

ЕВГЕНИЙ ВИТКОВСКИЙ

ГРАД

БЕЗНАЧАЛЬНЫЙ

1500–2000

ЭПИЧЕСКИЙ ЦИКЛ

Евгений Владимирович Витковский

Град безначальный. 1500–2000

Текст книги предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51427885

Град безначальный. 1500–2000. Эпический цикл: Водолей; Москва; 2018

ISBN 978-5-91763-431-9

Аннотация

До недавнего времени Евгений Витковский (р. 1950) был известен читателям почти исключительно как поэт-переводчик и писатель-фантаст. Лишь в 2016 г. вышел первый сборник его стихо творений «Сад Эрмитаж».

Новая книга – «Град безначальный» – эпический цикл, поэтический роман в новеллах, написанных в жанре баллады-биографии. 500 лет российской истории раскрываются на 600 страницах этой небывалой книги в 250 сюжетах – портретах, историях, зарисовках, событиях, запечатленных в редкостных, безупречных стихах. По широте исторического охвата, числу сюжетных и временных измерений («плоскостей» или «парусов», по выражению Хлебникова) книга Е. Витковского, в сущности, перерастает роман, обретая черты нового эпоса. Для его создания в полной мере оказалась задействована палитра возможностей автора – писателя, поэта, переводчика, искусствоведа и, наконец, просто знатока истории, мифологии, нравов старой Москвы, –

настоящего «московского наблюдателя» – обитателя Садового кольца.

Содержание

Увертюра	10
Иоанн Безземельный входит в Россию	13
Петр Фрязин	16
Князь Семен Курбский	19
Хозя Кокос	21
Иван Телепнев-Овчина-Оболенский	25
Князь Андрей Михайлович Шуйский	28
Протопоп Сильвестр	31
Наставление Анфиму	33
Карстен Роде	35
Генрих Штаден	38
Михаил Воротынский	42
Якоб Ульфельдт	45
Элизеус Бомелий	48
Джером Горсей	51
Джайлс Флетчер	56
Князь Афанасий Нагой	59
Филарет в Сийском монастыре	63
Димитрий Кесарь	67
Лжедимитрий XVIII	71
Станислав Немоевский	74
Ганс Борк	79
Капитан Жак Маржерет	82

Конрад БуССов	86
Исаак Масса	90
Федот Котов	94
Яков Хрипунов	97
Петр Бекетов	102
Деорса-Юрий Лермонт	104
Дружина Огарков	107
Иван Грамотин	110
Посник Иванов прозвИщем Ленин	114
Адам Олеарий	117
Боярин Борис Морозов	120
Тимофей Анкудинов	123
Князь Алексей Трубецкой	127
Никита Давыдов	130
Григорий Котошихин	133
Гетман Петро Суховий	136
Соколиная охота	140
Парфений ТоболИн	144
Князь Юрий Барятинский	148
Юрий Крижанич в Тобольске	151
Царица Наталья	154
Атаман Иван Сирко	156
Патриарх Никон	158
Алексей Лодьма Стрелец	162
Петр Хмелев. Албазинский острог	165
Стольник Петр Толстой	168

Франц Лефорт	171
Самый короткий год	173
Мазепа в Бендерах	176
Игнат Некрасов	179
Ефим Никонов	182
Иван Посошков	186
Монах Неофит	188
Василий Корчмин	191
Барон Василий Пospelов	194
Ян Лакоста	197
Карл Фридрих Иероним фон Мюнхгаузен	200
Джакомо Казанова в России	203
Готтлоб Курт Генрих Тотлебен	206
Конец ознакомительного фрагмента.	208

**Евгений Владимирович
Витковский
Град безначальный
1500–2000
*Эпический цикл***

Увертюра

Неизвестное место, неясная дата,
непонятная личность без точных примет,
тот, которого все позабыли когда-то,
тот, о ком документов и сведений нет.

Тот, кто канул в былое и сгинул во мраке,
кто навеки ушел неизвестно куда,
тот, кто каждый обычно, но все же не всякий,
и который нигде не оставил следа.

Тот, чей облик исчез меж намеков туманных,
тот, кто в нетях пропал и утратил черты,
тот, о ком никаких не имеется данных,
с кем не стоит на вы и неловко на ты.

Тот, на коего даже не выдана квота,
тот, кого, как цунами, накрыли века,
и о ком нам сегодня известно всего-то
только то, что осталась его ДНК.

Тот заложный покойник, тот выморок лярвин,
тот в кипящую ночь наведенный мираж,
та нелепость, которую выдумал Дарвин,
но, однако же, предок, и вроде бы наш.

Кто сиротствует, право на имя утратив,
то ли выигрыш в кости иль просто в лото,
лишь один из пятнадцатияуродных братьев,
то ли даже и вовсе неведомо кто.

Кем ты все-таки был, неизвестный прапрадед?
С кем ты жил и кого повидал на веку?
Даже вечность с тобою, похоже, не сладит,
если я о тебе напишу хоть строку.

Нарекли тебя как-нибудь матушка с батей,
вот и жил ты, в безвестную даль уносим,
то ли Влас, то ли Гурий, а то и Кондратий,
то ли некий Потап, то ли некий Максим.

Родословных твоих за века не облазим,
да и надо ли рыться в твоей-то судьбе:
то ли сволочью был, то ли числился князем,
то ли то и другое мешалось в тебе?

Может, имени-отчества вовсе не дали,
чтоб не ведал про мать и забыл об отце?
Мы-то знаем, что все, что бывает вначале,
не всегда интересно тому, что в конце.

Монумент не всегда и не каждым заслужен,
где заслуга, что выпита чаша до дна?
Тот, кто вовсе никто, – поколеньям не нужен,

ну, а если хоть кто-то, – к чему имена?

Беспощадно звенит о монетку монетка.
Кто бессмертия просит, – едва ли умен,
и представить непросто далекого предка,
уносимого темной рекою времен.

Иоанн Безземельный входит в Россию Оммаж Ивану Голлю

Смиренно вверившись немилосердью Божью,
забыв, где параллель, а где меридиан,
в степи оголодав, идет по бездорожью
в бор обезлесевший царевич Иоанн.

Здесь небеса пусты, здесь пасмурно и сиро,
у воздуха с водой, да и с землей разброд.
И масло кончилось, и нет ни крошки сыра.
Царевич грустно ест без хлеба бутерброд.

Коль скоро цели нет, – не может быть азарта,
Коль все разрешено, – не отменить запрет.
А двести лет назад составленная карта
расскажет лишь о том, чего сегодня нет.

О странная страна, ты смотришься угрюмо:
Орел, где нет орлов, Бобров, где нет бобров,
Калач без калача с Изюмом без изюма,
Ершов, что без ершей, Ковров, что без ковров.

Одно отсутствие царит по всей округе,

сплошная видимость, встречаешь без конца
без шуки Шукино, Калугу без калуги,
Судак без судака, Елец, что без ельца.

И город Ракобор, не поборовший рака,
и Губино, село, стоящее без губ,
и древний Рыбинск, тот, где за рыбешку драка,
и дуба давший град, старинный Стародуб.

Без каши в Кашине тоска неисцелима,
без гуся в праздники грустит Хрустальный Гусь,
Воронеж без ворон, Налимск, что без налима:
Русь безначальная, таинственная Русь.

Разбились времена, и не собрать осколки,
и вечно большинство в полнейшем меньшинстве,
и грезит о своем давно сбежавшем волке
царевич без царя в усталой голове.

Нигде не зазвучит беззвучная музыка,
бесплотное зерно не переполнит кадь,
и сотня языков глаголет безъязыко,
что ничего тут нет, и нечего искать.

У края бедного кто знает, кем отъяты
освобожденные для пустошей места,
исчезли даже те святые пустосвяты,
которых создала святая пустота.

Приостановлен рост березок малорослых,
осины чахлые закутаны во тьму,
видать, ушел народ на бесконечный послух,
и некого спросить, – куда и почему.

И странно только то, что здесь ничто не странно,
что если волка нет, то ни к чему овца,
и некому венчать на царство Иоанна,
затем, что царства нет, а значит, и венца.

Фигуры смазаны, и позабыты лица,
осыпались холмы и выровнялся лог,
и все окончено, – лишь бесконечно длится
неслышный прошлого с грядущим диалог.

Петр Фрязин

Спасская Башня. Конец света. 1492

Вольно истории переставлять фигурки!
Вольно считать людей за липких лягушат!
В Константинополе хозяйничают турки,
зато в Испании Гранаду потрошат.

Такой вот странный год: ужель Земля – сфероид?
Тому не верили, а вот выходит, – зря:
не ждали, что Колумб хоть что-нибудь откроет,
но ждали Страшный Суд к началу сентября.

Коль дикость на Москве, – возьми да одомашни.
Великие князья не сгубят твой талант,
Солари-Фрязинец, строитель Спасской башни,
выходит, что прочхал тебя Медиолан.

Со скрипом движется безумная эпоха,
при Сфорцах город стал, что воровской притон.
Немало из того, что там лежало плохо,
в Московию с собой увез архитектон.

Испания – кипит и спереди и сзади,
евреев из страны старательно изгнав.
Любой еврейский нос еврею Торквемаде

нахально говорит: мол, ты не скандинав.

Уж лучше б взятки брал, чем вякать вероломно:
он в каждую башку забраться норовит.
Через Атлантику перебираться стремно,
зато к Пасифике стремится московит.

И кряжистой Москва, да и куда курносей,
однако сплетнями язык не натруди.
Звездицы здесь кует и дискисы Амвросий,
такого мастера еще поди найди.

О Красной площади не стоит волноваться,
в срок не уложишься, так разве что побьют.
Пусть мастер изменил стране Джангалеаццо,
страна Василия ему дала приют.

Здесь лавр не вырастет, не даст плодов олива,
и ночи здесь длинны, и холодна земля:
увидеть потому, пожалуй, справедливо
недалний Страшный Суд во торжестве Кремля.

Да, смертный приговор положен за измену:
но исполнение, глядишь, перенесут:
посмотрят всадники с небес на Ойкумену
и на семь тысяч лет отложат Страшный Суд.

События 1492 года:

Колумб открыл Америку.

Год предполагаемого конца света, основанного на предсказании Византийской православной церкви, что «сей мир сотворён на 7000 лет».

Год окончания реконкисты, на Пиренейском полуострове занята последняя арабская крепость – Гранада.

Пьетро Антонио Солари (Пётр Антонин Фрязин) полностью достроил Спасскую башню Кремля.

Князь Семен Курбский Пустозёрск. 1499

Россию холодом пугать – что девку парнем!
...Река для воинства надежнее дорог.
Где место выбрано, – дымиться кашеварням
и спорым розмыслам сооружать острог.

Попробуй хоть на миг не думать о наказе,
но князю видится, что здесь, у озерца,
завяжется клубок величия и мрази,
тщеты и святости, начала и конца.

Однако что за прок загадывать загадки?
Москве ни до чего печали никакой:
ей важно, что песец и соболь тут в достатке,
власатый элѣфант и бегемот морской.

Умолкли топоры, все, стало быть, готово,
не важно – сколько рук, а важно мастерство.
Внушительен острог у озера Пустого:
уж выберет Москва, – зачем и для чего.

В резонах княжеских не разберешься толком,
клепай, что говорят, на все один ответ, —
столицей сделают, объявят ли поселком,

но город выстоит четыре сотни лет.

Отсюда полетит великая крамола,
что писано пером, – то прогремит, как гром.
Однако ж и страна! Еще и нет раскола,
но тень грядущая маячит над костром.

Ну ладно, в будущем не смыслим ни бельмеса.
Что мы построили? Больницу ли, тюрьму?
А глянуть в прошлое, – там черная завеса,
и глупо пялиться в дымящуюся тьму.

Потеря имени – печальная утрата,
и, сколько почестей и лавров ни стяжай,
прославишься не ты, а внук родного брата,
известный князь Андрей, сваливший за Можай.

Острог среди снегов стоит холодной стенью, —
хоть ужас будущий родиться не готов,
но край приговорен к святому запустению
в высоких пламенах сгорающих скитов.

Одни лишь звезды здесь, и нет другого света,
Печора вечности меж пальцами течет;
и слышен тихий треск, и каждый знает: это
Господня лестовка заканчивает счет.

Хозя Кокос

Дипломат. 1501

Задом по судьбе не проелозя,
не отыщешь в оной перекос.
В Кафе жил благорассудный Хозя,
дипломат по прозвищу Кокос.

В этом факте – никаких диковин,
никаких невероятных благ.
То ли персонаж наш был жидовин,
то ли караим, не то крымчак.

Над Бахчисараем гордо взреяв,
в неспешной череде годов
славилась династия Гиреев
тем, что опиралась на жидов.

Хозя был не то чтобы проныра,
но его татарские хрычи
знали от Бельбека до Салгира
и от Тарханкута до Керчи.

В династическом бреду плутая,
не желая помереть никак,
все вокруг ордушка Золотая

превратила в форменный бардак.

Пребывала публика в тревоге,
о пощаде Господа моля
от феодосийской синагоги
до соборов древнего Кремля.

Даже и престол со страху бросив,
хан обязан соблюсти закон.
Хозя был, понятно, не Иосиф,
но и хан – отнюдь не фараон.

Кто тут патриот и кто изменник?
Кто тут первым будет, кто вторым?
При посредстве венецийских денег
пригласить Москву придется в Крым.

Хан в Бахчисарае независим,
но в Москву, коль ты в своем уме,
не пиши древнееврейских писем,
в этих буквах там ни бе ни ме.

Впрочем, дипломат не унывает,
он сумеет не попасть в полон.
На него всемерно уповает
город Кафа, новый Вавилон.

Взятку не давай, руки не вымыв,
и могилу никому не рой:

на жидов и прочих караимов
не попрется Баязет Второй.

И менять не стоит хрен на редьку,
ставить лыко всякое в строку:
ну и спас ты Курицына Федьку,
ну и чем поможешь дураку?

То, что жулик ты, – известно точно,
воробей, а все-таки орел!
Чудо дипломатии челночной
уж не ты ли, Хозя, изобрел?

Хан и князь доделали работу,
через очень краткие года
превратилась в золотую роту
Золотая древняя орда.

Что там прежде, нынче или после?
Кто герой, кого попрут взащей?
И благословляет не Кокос ли
каждого из крымских торгашей?

Ни мацы, ни манны, ни амброзий
не найдешь, кусая чебурек,
и печально, что с разумным Хозей
расплевались москвит и грек.

Вечность о престиже не хлопчет

и не поспешает никуда,
потому-то Крым и знать не хочет,
кто на нем пасет свои стада.

Иван Телепнев- Овчина-Оболенский Отец вероятный. 1539

Не помнит чина русская пучина.
Россию очень трудно удивить;
ты истинный мужчина, князь Овчина,
за то тебя и надо отравить.

Ты хай теперь не затевай вселенский!
Ты попросту попался, как болван,
князь Телепнев-Овчина-Оболенский
с простым еврейским именем Иван.

И повара страшишь, и хлебореца,
и это хуже встречи с палачом:
сиди теперь, закованный в железа,
и жди отравы неизвестно в чем.

О том обычно говорить неловко,
по-своему любой мужчина слаб:
зачем тебе прекрасная литовка, —
иль мало на Руси цветущих баб?

Цветут они в России повсеместно,

в которую ни загляни дыру.
Понятно, переспать с царицей лестно, —
а ну как не проснешься поутру?

Иль совладать не смог с мужскою сутью?
Как раз об этом лучше не брешу.
Царица в бане надышалась ртутью,
а ты теперь хоть вовсе не дыши.

Об этом неприятно думать на ночь,
но говорит народное чутье,
что сын есть у тебя – Иван Иванович,
а что Иван Васильевич, – вранье.

На свете есть ли большая отрада,
чем слушать «Со святыми упокой»?
Россия знает только смерть от яда,
и более не знает никакой.

Из муромцев, козельцев, ярославлян
за все века никто не дал ответ:
хоть кто-то хоть когда-то не отравлен, —
а просто умер в девяносто лет?

Сидят на ядах ангелы и черти,
отравлены ерши и караси,
и только вариант голодной смерти
от яда избавляет на Руси.

Не утолится голод людоедский,
и выпивки не хватит в кабаке,
а гибель ваша – просто праздник детский,
в сравненьи с тем, что будет при сынке.

Фаворит Елены Глинской, второй жены великого князя Василия III, матери будущего Ивана Грозного. Под конец ее правления был главным советником правительницы. В 1538 правительница скоропостижно умерла, как выяснено уже в наше время, – от отравления ртутью. На седьмой день после её смерти были схвачены Иван Телепнев-Овчина-Оболенский и сестра его Аграфена. Овчина-Телепнев-Оболенский умер в заключении от недостатка пищи и тяжести оков. Предположительно князь являлся отцом будущего царя Ивана IV.

Князь Андрей Михайлович Шуйский Честокол. Склочник. 1543

Чванство в России – великая сила,
если держаться своей конуры.
Что же за муха тебя укусила,
нешто Литва безопасней Угры?

Ни от кого не укроешь измены,
нечего плакать, скулить и страшать;
зря полагаешь ты, что у Елены
есть настроенье кого-то прощать.

Ты ль не знаток политических ягод,
ты ль не игрок, и не ты ль потому
славой взлетал то на месяц, то на год
и регулярно садился в тюрьму.

Лыком тиуны царицы не шиты,
с Глинской не справишься, как ни хитри.
Сколько в Литву втихаря ни спеши ты,
но посиди-ка ты годика три.

Налиты злобой, потянутся тяжко

годы в темнице впустую, зазря;
сдохнет царица, а следом Ивашка,
но не учтешь ты мальчишку царя.

Каждый торгуется, каждый шпионит,
мелким изветом Москву забомбя.
Псков голосит или Новгород стонет, —
всякий копает, милок, под тебя.

Все, что найдешь, волокиты в теремочек,
с грохотом сталкивай лбы воевод,
думай, что царь – безобидный щеночек,
только царю-то – тринадцатый год.

К трону почти, ну почти подползая,
веруй, что долгой окажется жисть, —
но изготовилось свора борзая,
чтобы тебя по команде загрызть.

Пламя никак не удержишь в щепотях,
злобу цареву – поди усьмири,
будешь валяться в кремлевских воротех,
взяша тебя и убиша псари.

Степь ледяная окрасилась в сурик,
черная кровь закипела в котле, —
княжит Иван или царствует Рюрик, —
бедной давно безразлично земле.

Сон прибывает, пурга завывает,
век наступающий гол как сокол, —
и еженощно палач забивает
в гроб Честокола осиновый кол.

Дед царя Василия Шуйского. Дважды вместе с братом Иваном намеревался сделать карьеру («отъехать») у князя Юрия Дмитровского... По приказу Елены Глинской в 1534 году брошен в тюрьму и освобождён лишь после её смерти. Наместник Новгорода, позднее Пскова. Вернувшись в Москву, возглавил борьбу за влияние при дворе. После смерти и убийства Ивана Бельского встал во главе боярского правительства в мае 1542 года. Принято считать, что «потакал всем низменным страстям Иоанна». В сентябре следующего года Андрей Шуйский и его единомышленники на глазах 13-летнего великого князя Ивана Васильевича избили боярина Федора Воронцова. 29.12.1543 Иоанн Васильевич собрал бояр и объявил им о хищениях и «неправдах», творимых Шуйскими, но заявил, что казнит только одного князя Андрея, которого приказал схватить псарям, и собаки растерзали его.

Протопоп Сильвестр Домострой. 1560

Лапшу и котлому готовит Домострой,
ориентируясь на правила реестра,
расписывает пост и ладит пир горой
возвышенная мысль священника Сильвестра.

При этом знать дает, сколь неполезна дурь,
что тело требует, а что угодно Богу,
народу черному твердит рецепты тюрь
и собирать велит крапиву на вологу.

Хоть древен сей закон, зато для всех людей,
в нем важно правило, заметим мимоходом,
на стол бы меньше двух не ставить лебедей,
и по два сухаря оставить нищebroдам.

Священник списком яств потомству насолил,
чревоугодия не ведавший по жизни,
при том что в мясоед зело благоволил
к юрме и стерляди, мозгам и головизне.

Он лишь предписывал заботу и уход,
чтоб не пустела клеть, и наполнялся улей,
чтоб сад плодоносил, сверкая, что ни год,

можайским яблоком и драгоценной дулей.

Ничто не кончилось, – не кончится и впредь,
подумай, рассуди в терпении смиренном:
удержат на плаву, дадут не помереть
капуста, огурцы, горох и редька с хреном.

Да хрена ли роптать? Смотри, дружок, не спать,
что пост, что мясоед, – и то, и то неплохо.
Там, где растет горох, – он вырастет опять,
так в мире повелось со дней царя Гороха.

«Домострой», насколько можно понять, единоличным творением протопопа Сильвестра не является. Однако по меньшей мере одну версию, дополненную знаменитой 64-й главой, он определенно редактировал. Об этой главе – «Письме сыну Анфиму» – следующее стихотворение.

Наставление Анфиму 1565

Павлину, журавлю, птенцу струфокамила
дано бокалом плыть на царское застолье.
Давно доказано: что дорого, то мило,
а что наоборот, – доказано тем боле.

Анфим, утешься ты простым грибом вареным,
лебяжье крылышко обгладывай в сторонке,
и к родичам не лезь волчищем разъяренным
за то, что в прошлый пир пропали две солонки.

Коль отобедали, Анфим, избу проветри,
гостей не уличай во многих злополучьях,
зане обожрались любители осетрий
в шафранном соусе, а также ксеней щучьих.

В людскую отошли богату кулебяку,
содей трапéзу там и радостну, и сочну,
а восходить к жене в ночь можешь не во всяку,
лишь в понедельничну, равно и в четверточну.

Поварню соблюдай во неизменном благе,
не то содеются в единый день поганы
братины, мерники, чумички и корчаги,

корцы, ставцы, ковши, извары и кумганы.

Коль нечто укупил, то в торге будь смиренек,
и с лютым должником не обращай злостно,
но привечай его и дожидайся денег,
как светлых праздников мы ждем великопостно.

Но ежели, Анфим, ты не мудрее бревен,
и разорить себя позволишь, как разиню, —
то, значит, грешен ты, и потому виновен.
А дальше думай *сам*; я ж ныне зааминаю.

Карстен Роде

Государев пират. 1570

Пируэт, кувырок, и опять пируэт,
и умение шарить в чужом огороде.
Двадцать два корабля и полгода побед, —
вот и все достижения Карстена Роде.

Торговал он когда-то, отнюдь не скучал,
но торговец грабителю польскому лаком.
На поляков датчанин весьма осерчал
и решил отомстить неразумным полякам.

И к чему бы такой затевать маскарад?
Заявился в Россию вполне самозванно
этот склонный к легальной работе пират,
этот личный пират государя Ивана.

Для пирата удача – балтийский туман,
в этой мути таится немало навару.
В слободе Александровской царский фирман
без особых стараний достался корсару.

Глянь: купецкие флаги в полоску и вкрапъ,
и в квадратики, и в разноцветные пятна.
Всех поляков, которых изловишь, ограбь,

ну, и шведов не менее грабить, приятно.

Не настолько-то стал он в веках знаменит,
не настолько по темным легендам задерган,
чем какой-нибудь Дрейк и какой-нибудь Кидд,
чем какой-нибудь Флинт и какой-нибудь Морган.

Раньше времени все же, пират, не ликуй,
государь ожидает плодов поединка.
Для Балтийского моря негоден ушкуй,
но как раз подойдет трехмачтовая пинка.

Поднимай паруса и орудуй веслом!
И норд-осты помогут тебе, и зюйд-весты.
Изумрудный штандарт с двоеглавым орлом
заплескался на мачте «Веселой невесты».

Благородное дело во славу царя,
скажем так – дипломатия без диалога.
От начала весны до конца октября
двадцать два корабля – это все-таки много.

С Копенгагеном все же тягаться не след,
на суде хоть молчи, хоть дойди ты до крика.
Ты выкладывай выкуп, московский сосед, —
так решил окончательный суд Фредерика.

Только царь не предвидел подобных затрат,
да и вовсе затрат не любя некоторых,

так что сам виноват, что попался, пират,
так сиди при заветных своих луидорах.

Вот и плаванья более нет кораблю,
сгинул капер, к свободе уже не готовясь.
Царь еще предлагал отступных королю,
только тут обрывается грустная повесть.

На ветшающих ряях стоят мертвецы,
облекается в темень Балтийское море,
и в легенду уходят корсары-купцы,
а не только могильщик и принц в Эльсиноре.

Генрих Штаден

Опричник. 1572

Императору в Прагу, секретно и лично.
Пресветлейший венгерский и чешский король!
Много лет я сражался за войско опрично
и теперь отчитаться об этом позволь.

Но прошу мою просьбу не счесть за причуду,
о письме не рассказывать впредь никогда:
у великого князя шпионы повсюду,
коль прочтут они это, случится беда.

Я проник в государство, покрытое мраком,
основательно рылся по всем тайникам.
Чем отдать этот край мусульманским собакам,
так уж лучше прибрать его к нашим рукам.

На страну эту выдвинуть войско непросто,
ибо здешние очень коварны места:
хоть живет московит, как собака бесхвоста, —
но для драки ему и не нужно хвоста.

Нужно двести баркасов и двести орудий,
и еще десять тысяч по десять солдат, —
и сдадутся немедленно здешние люди,

и Европу немедля возблагодарят.

Состраданье сколь можно подальше спрятав,
надо твердо идти на Москву напрямки,
там казнить и князей, и других аманатов
и развесить на сучьях вдоль Волги-реки.

В отдаленную местность покуда не лазя,
не идти на Казань, не соваться в Сибирь;
но поспешно, поймавши великого князя,
сделать графом и сразу спихнуть в монастырь.

...Здесь ученость подобна бесплодной пустыне,
здесь не читан ни Ветхий, ни Новый завет;
здесь не знают по-гречески, ни по-латыни,
по-еврейски и вовсе понятия нет.

Я описывать жуликов здешних не стану,
каждый мытарь чинит превеликий разор,
но никто не противится князю Ивану
от которого Курбский свалил за бугор.

Чуть не так – под секиру главу ты положишь,
право древнее в этой стране таково:
если грабить не хочешь ты или не можешь,
то убьют и ограбят тебя самого.

Право, в мире земли не сыскать непотребней,
пребывает в великой печали страна;

здесь пусты погреба, и поварни, и хлебни,
ибо в них не везут ни вина, ни зерна.

Слишком много здесь рабской и подлой породы,
но как только повергнем сей тягостный гнет,
богомерзкую схизму в короткие годы
европейская вера за пояс заткнет.

Чтоб Европе не ведать великого срама,
я советником быть добровольно берусь,
и покуда никто здесь не принял ислама,
надо срочно спасти эту бедную Русь.

Император, ты знаешь, сколь благостны войны!
Припадает к стопам твоим в горькой тоске
прозябающий в бедности аз недостойный.
Дальше подпись, число и сургуч на шнурке.

В письме от 1579 года бывший опричник Генрих Штаден предложил императору Рудольфу II «План обращения Московии в имперскую провинцию», прибавив сведения о стране и ее правлении и свою биографию, обмолвившись в ней о том, что «за получение от меня такого описания король польский очень много дал бы мне, когда я был послан в Польшу», умолчав при этом о том, что этот план захвата Московии он разработал вначале для немецкого пфальцграфа Георга Ганса и обсуждал его с ним. В автобиографии, посланной им-

ператору, Генрих Штаден прямодушно рассказывает, какой он удачливый малый, как он, сумел обвести вокруг пальца своих друзей и противников и каким будет императору бесценным советником по вопросам будущей провинции Московии.

Михаил Воротынский

Взятие Казани.

Спасение Москвы. 1573

Не особенно юн, не особенно стар,
не умелец кропать мемуары,
не любил Михаил Воротынский татар,
и его не любили татары.

От лихих басурман защищая Москву
матюгов на врагов понабуркав,
неизменно любил заносить булаву
на татар, на ногаев, на турков.

Был в бою воевода отнюдь не бахвал,
но, врагов замотав и замаяв,
постоянно с охотой большой убивал
всяких турков, татар и ногаев.

Воевода был прям в выраженьях и груб,
никогда не искал компромиссов,
да к тому же держал выдающийся зуб
на монголов и на черемисов.

...То ли старый Сахиб, то ли юный Девлет

был раздолбан в бою бестолковым.

Тут за ним Воротынский помчался вослед, —
и на поле догнал Куликовым.

Десять лет для России со скрипом прошло,
и для прочих прошло как в тумане.

Князь подумал-подумал, вздохнул тяжело
и явился под стены Казани.

К многодневной осаде готовился князь,
тут явились послы от чувашей,
и, за быстрой победой отнюдь не гонясь,
он чувашей не вытолкал взашей.

Но, поскольку властитель казанских судеб
не хотел уступить полюбовно,
воевода содеялся очень свиреп
и Казань раздербанил на бревна.

Только сила возрастала в Крыму у врага,
о казанских радевшего братьях.
У татар оказались большие рога,
и пришлось очень долго ломать их.

Все по кругу пошло через несколько лет,
засверкало татарское жало:
под Москвой появился кровавый Девлет
и прибрал все, что плохо лежало.

Ты унялся бы, хан, коль тебе повезло.
Быть тебе, негодяй, бездыханну!
Воротынский на хана взъярился зело
и устроил мочилово хану.

Надоел Воротынскому Крым, как комар,
князь как следует всыпал Девлету,
для Девлета Москва превратилась в кошмар,
а Девлет – превратился в котлету.

...Все по морде получишь, куда ни ударь,
вдруг последние силы пропали.
Долго бороду князя терзал государь:
Михаил оказался в опале.

Не откинешь державного гнева покров,
даже сердце владыки растрогав,
не пройдешь между двух исполинских костров
и не выдержишь черных ожогов.

Вот и кончено всё. Ни рыданий, ни слез.
Стихнул ветер и небо беззвездно.
Так всегда: начинается все не всерьез,
а кончается очень серьезно.

Якоб Ульфельдт

Горе-дипломат. 1578

Ну и холод же в этой стране окаянский!
Европейцу такое – ложись-помирай!
Мы, похоже, прогневали Хольгера Данске,
что притопали в сей отмороженный край.

Здесьшний царь – это очень серьезная птица,
мы намучились только и ездили зря:
с нами землями Русь не желает делиться,
все забрали себе воеводы царя.

Никого не женив, никого не просватав,
уезжаем, за это себя не казня,
но уж если не слушают здесь дипломатов,
то придется Европе послушать меня.

Здесь ничто завершиться не может удачей,
здесь послов и торговцев берут на измор,
а когда говорить начинает подьячий, —
то похож на шипенье его разговор.

Подменяют крещенье потением банным,
и в обычае здесьнем, того не таю,
расписным поклоняться ужасным чурбанам

и считать христианством неправду свою.

Тут нельзя продохнуть от чесночного смрада,
россиянину всякая дрянь хороша,
и душе его истины вовсе не надо,
потому как заполнена ложью душа,

Тут царю ни к чему ни жена, ни царевна,
перед ним вся держава повержена ниц;
здесь ликует народ, ибо царь ежедневно
по традиции портит по сорок девиц.

Да, Россия Европой изучена худо;
без письма моего не проведали бы,
что народ там не пашет, не доит верблюда,
но столетьями сушит и солит грибы.

Стерлядь – лучшая рыба, но прочих дороже;
на пирах там огромных едят осетров,
красноперку и всякое прочее тоже,
только в нашу-то честь не давали пиров.

Там бывает порой, что трясешься со страха,
кабана повстречав или дикого пса;
говорят, что в лесах там живет россомаха,
потому не ходили мы в эти леса.

Там различные водки наместо обедов;
на закуску морковь да капуста кочан.

Убивают в России всех более – шведов,
но, когда подвернутся, то бьют и датчан.

Я завидовать каждому стал домоседу,
повидав этот край нескончаемых бед:
я за званье барона туда не поеду,
и за графское тоже, наверное, нет.

Словом, как ни старались, – пришлось отступиться.
Царь не хочет добром уступить города.
Ну, а ежели он вот такой вот тупица,
так зачем было даже кататься сюда?

Якоб Ульфельд – датский государственный советник, посетивший Россию в 1578 году во главе посольства, целью которого было возобновление русско-датского договора. Для Ульфельда эта поездка была крайне неудачна. Мало того, что во время пребывания в Московии он чувствовал себя больше пленником царя, чем его гостем, Фредерик II отказался ратифицировать обновленный договор, в результате чего все усилия послов оказались напрасны.

Элизеус Бомелий

Жертва искусства. 1579

Отнюдь не знахарю, что хочет только денег,
не лекарю, что мнит бесценным опыт свой,
я посвящаю жизнь: порукой в том дербенник,
поименованный людьми плакун-травой.

Болезней имена – как жернова для слуха,
как старые глаза, они слезоточат:
чудовищен столбняк и тяжела желтуха,
и чуть не хуже всех – мучительный камчат.

Расперстица, рватва, надута в сердце жаба,
иные признаки болячек и туги:
заушница, окорм, водянка и расслаба,
нутрец, падучая и тяжкий дух цинги.

Весь обратись во слух, гляди пристрастно в оба,
свои познания как бы смешай в горсти:
на все отыщется лекарство и лечоба,
коль не поленишься аптеку запасти.

Запомни список трав отнюдь не для забавы,
напротив, следуя науке непростой,
ты сыщешь для всего целительные травы,

на коих сделаешь декокт, или настой.

Полны что лес, что луг разнообразных зелий,
следи, чтоб твой больной от должного вкусил:
корень марьино толки с молитвой велей,
булгасову траву, осот и девясил.

Забудь потворствовать солдатам и купчинам,
к которым близок тать, крадущийся в ночи,
их помещай в катух над паром чепучинным
и жаркой банею томящихся лечи.

Ползучей немочи отнюдь не будь потатчик,
горчичники лепить не почитай за труд:
не смей пренебрегать взрезанием болячек,
кровобросанием и алчностью гируд.

Но только помни – смерть, она с тобою рядом,
царь нынче, что ни день, заказывает яд;
и тут уж все равно, – кого ты травишь ядом,
иль сам готов принять, иль принял час назад.

Царь гостогонствует, и он не чужд веселий,
задуть любую жизнь он волен как свечу,
а виноват ли тот Элизеус Бомелий,
то вовсе не врачу решать, а палачу.

В том сумрачном краю, где властвует косяя,
где память брошена в темницу тишины,

слова, лишь изредка печально воскресая,
спать в подземелиях веков обречены.

Заботиться ль о том, чтоб вовсе не истлели?
Кому они нужны? Царю? – и то навряд.
Уйдет в небытие, что было в самом деле,
останется лишь то, что люди сочинят.

Последней милостью судьба не осенила,
единой глоткою ревет народ как зверь,
и все дописано, и высохли чернила,
и обух бердыша высаживает дверь.

Есть серьезные основания предполагать, что личный врач Иоанна Грозного Элизеус Бомелий был оклеветан, ибо стал жертвой своего же ремесла: «Злобный клеветник Бомелий составлял губительное зелье с таким адским искусством, что отравляемый издыхал в назначенную тираном минуту» (Карамзин) – чем он, несомненно, занимался по приказу царя. За год до смерти царь, справедливо полагавший, что лекарь знает слишком много, приказал зажарить его живьем.

Джером Горсей Яхонты русского царя. 1584

Эфиопский владыка, зовущийся негус,
или кесарь российский, известный тиран,
одинокой дорогой на ветхих *tilegos*
удаляются в темень, в туман и буран.

В мемуарах ревниво хранятся улики:
в томе лжи есть и правды хоть несколько слов.
Царь московский и прочий, *соуколд char' veliki*,
у себя принимает английских послов.

К нраву царскому с явным усиьем приладеясь,
даже малый поклон почитая за труд,
за тяжелую дверь в государеву кладезь
два Джерома без лодки неспешно плывут.

Царь плывет впереди, сразу следом – *charowich*,
богомалец, наследник царева жезла;
допускать ли бояр к созерцанью сокровищ,
царь не знает, – однако допустит посла.

Может, старость, а может, и просто чахотка
разморила царя, и блюдет караул,
чтобы слуги его аккуратно и кротко

опустили теперь возле ряда шкатул.

Пусть Европа ответит на эдакий вызов,
всё расскажут послы, как вернутся назад;
ухмыляется деспот над горстью туркизов,
между пальцев держа дорогой заберзат.

Что ни камень, то слюнки восторженных судий,
царь не зря попирает наследственный трон.
Сундуками – тумпаз, августит и нефрудий,
антавент, и белир, и прозрачный тирон.

Здесь не властен ни сглаз колдуна-домочадца,
ни возможность подохнуть в угаре хмельном,
только здесь и решается царь утешаться
корольком, калаигом, бурмицким зерном.

И хорошего вам, господа, понемножку,
полагается помнить про здешний устав.
Царь, ни слова не бросив послам на дорожку,
pochivated желает, смертельно устав.

За серебряный рубль расплатиться полушкой, —
такое любому в Москве по уму.
Говорят, что царя удушили подушкой,
только это неважно уже никому.

Век уходит за веком, сомнения сея,
сколько было их в мире, так все и прошли.

Огорченно твердят мемуары Горсея
про великую славу русской земли.

Не крестись, если в доме не видишь иконы,
о величии собственном лучше не лги:
кто в Москве побывал, тот запомнил законы
подступившей к границам Европы тайги.

Это ж надо, – дожить до подобной годины,
чтобы ездить впустую за десять земель?
Много ль толку рассматривать тут алмадины,
если их убирают обратно в кошель?

Не желает страна затевать лотереи,
и не ждет дорогих из Европы гостей.
Лучше дома сидеть, чем смотреть на трофеи,
что нахально плывут из английских сетей.

Накануне своей смерти Иван Грозный пригласил английских послов Джерома Бауска и Джерома Гордея в свою сокровищницу, о чем Горстей оставил подробные воспоминания.

«...Каждый день царя выносили в его сокровищницу. Однажды царевич сделал мне знак следовать туда же. Я стоял среди других придворных и слышал, как он рассказывал о некоторых драгоценных камнях, описывая стоявшим вокруг него царевичу и боярам достоинства таких-то и та-

ких-то камней. <...> „Магнит, как вы все знаете, имеет великое свойство, без которого нельзя плавать по морям, окружающим землю“ <...> Он приказал слугам принести цепочку булавок и, притрагиваясь к ним магнитом, подвесил их одну на другую. „Вот прекрасный коралл и прекрасная бирюза, которые вы видите, возьмите их в руку, их природный цвет ярок; а теперь положите их на мою руку. Я отравлен болезнью, вы видите, они показывают свое свойство изменением цвета из чистого в тусклый, они предсказывают мою смерть. Принесите мой царский жезл, сделанный из рога единорога, с великолепными алмазами, рубинами, сапфирами, изумрудами и другими драгоценными камнями. <...> Найдите мне несколько пауков“. Он приказал своему лекарю <...> обвести на столе круг; пуская в этот круг пауков, он видел, как некоторые из них убегали, другие подышали. „Слишком поздно, он не уберет теперь меня. Взгляните на эти драгоценные камни. Этот алмаз – самый дорогой из всех и редкостный по происхождению. Я никогда не пленялся им, он укрощает гнев и сластолюбие и сохраняет воздержание и целомудрие; маленькая его частица, стертая в порошок, может отравить в питье не только человека, но даже лошадь“. Затем он указал на рубин. „О! Этот наиболее пригоден для сердца, мозга, силы и памяти человека, очищает сгущенную и испорченную кровь“. Затем он указал на изумруд. „Этот произошел от радуги, он враг нечистоты. Испытайте его; если мужчина и женщина соединены вожделением, то он рас-

трескается. Я особенно люблю сапфир, он сохраняет и усиливает мужество, веселит сердце, приятен всем жизненным чувствам, полезен в высшей степени для глаз, очищает их, удаляет приливы крови к ним, укрепляет мускулы и нервы“. Затем он взял оникс в руку.

„Все эти камни – чудесные дары Божьи, они таинственны по происхождению, но однако раскрываются для того, чтоб человек ими пользовался и созерцал; они друзья красоты и добродетели и враги порока. Мне плохо, унесите меня отсюда до другого раза“».

Далее Горстей пишет о смерти царя: «...Он был удушен и окоченел». Видимо, Горсей оказался последним иностранцем, который видел Ивана Грозного.

Джайлс Флетчер

Поэт обиженный. 1588

Все никак не развалится эта страна,
непонятная сила у здешних молений.
Европейскому взору с границы видна
беспроторица нищих российских селений.

Что ни шаг – то погост, за погостом – шинок,
весь народ состоит из одних голодранцев,
да к тому же любой обожает чеснок, —
в этом смысле они даже хуже голландцев.

Царь не ведает вовсе державственных бразд,
ибо робок и, видимо, разумом скуден,
но при этом сожрать за обедом горазд
горы грубой еды из невымытых посуды.

Как нажрется, уходит поспать на печи,
гости громко храпят, ну, а слуги притихнут.
Смотрят сны среди белого дня москвичи,
воеводы, конюшие, нищие дрыхнут.

Колгота потасовок, трактирная грязь,
ничего я на свете не видел отвратней, —
в драку рвется холоп, а, бывает, и князь,

поневоле пред этим застынешь в замятне.

Бородат и пузат каждый русский мужик;
превращается в пьянку любое застолье,
носит каждая баба нестираный шлык,
молью трачены грязные шубы соболю.

Одеянья у русских отвратно просты —
армяки, зипуны, кебеняки, тулупы,
емурулки, котыги, срачицы, порты,
однорядки, охабни, кафтаны и юпы.
И посуда у варваров тоже своя:
чарка, чашка и тысячи всяческих скляниц:
полумисье, братина, горшок сулея,
воронок, ендова, мушерма, достоканец.

Пекаря выпекают, искусством гордясь,
много гадостей сунув в начинку для смаку,
курник, луковник, сочень, бараний карась,
каравай, перепечу, калач, кулебяку.

Эти факты увидеть возможность дают,
сколь огромна жестокость и мерзость повсюду,
а про здешний содомский разнузданный блуд
я рассказывать лучше и вовсе не буду.

Оправданья не вижу малейшего я
порожденьям болотного дыма и смрада.
Приобрести уваженье лихого ворья

невозможно, так вот и стараться не надо.

Вожделениям гнусным отдавшись во власть,
смотрит Русь на Европу, шипя ядовито;
лучше с камнем на шее в колодец упасть,
чем увидеть в Париже сапог московита.

Я не в силах поверить письму своему,
но, однако, надеяться все-таки вправе,
что растает в грядущем и канет во тьму
даже память об этой ужасной державе.

Поэт и дипломат. В 1588 году был послан в Москву для поддержания перед русским правительством ходатайства Англо-Московской компании о монополии на торговлю с севернорусскими портами. Посольство Флетчера не было удачно. На первой аудиенции у царя Флетчер вступил в пререкания о царском титуле, не пожелав прочитать его целиком. Подарки, присланные с Флетчером от королевы Елизаветы царю Федору Иоанновичу и Борису Годунову, были найдены неудовлетворительными. Флетчера приняли сухо и не пригласили его к царскому столу. В даровании компании монополии Флетчеру было отказано; у компании было отнято право беспошлинной торговли в пределах России. В 1591 году издал сочинение о России, а затем сочинение о татарах.

Князь Афанасий Нагой Дед лжедвоюродный. 1591

Ну что, опять переходить на мат?
Не зря потомки, видимо, сердиты:
он был всего лишь скромный дипломат
с фамилией в манере Афродиты.

Без лести предан, на расправу быстр,
когда угробить повелят смутьяна:
такой вот замечательный министр,
при Грозном – нечто вроде Микояна.

Шесть лет он, как погонщик при осле,
торчал в послах при хане грубоватом,
и потому в тюрьме, в Мангуп-Кале,
он очутился в шестьдесят девятом.

Послу на киче припухать – беда!
Любой из ханов хочет слопать братца.
Идет в Бахчисарае чехарда,
в которой нынче нам не разобраться.

Плевать бы на подобную бузу,
но все-таки удачи не просцыте:
и поменяли князя на мурзу, —

они в Москве отнюдь не в дефиците.

Что Крыму лишний рот и лишний гой?
Спокойней быть подале от раздрая.
И снова дипломатом стал Нагой,
опричник при дворе Бахчисарая.

Держи, боярин, по ветру ноздрю!
Густеет над Россией истерия:
Вконец осатаневшему царю
понравилась племянница Мария.

Пустили в кухню, – ну, давай кухарь.
Басманову подобное не снилось.
Оно неплохо, только помер царь,
и наш вельможа угодил в немилость.

Что только не случается в Москве!
Легко ли верить врачам очевидца?
Помстилось чей-то дурьей голове,
что сын седьмой жены в цари годится.

Коль скоро ты живешь в России, друг,
учись нигде не знаемым наукам:
коль скоро брату Дмитрий – это внук,
то числиться Лжедмитрию лжевнуком.

О том мерзавце тоже нужен сказ,
история уже совсем другая,

как самозванца в недостойный час
признает даже мать его Нагая.

Как глупо не по собственной вине
остаться персонажем анекдота:
и в Ярославле спать на топчане
у бесполезной склянки антидота.

Что ж, не дразни гусей, не зли волков
и попрощайся с жизнью мимолетной,
ты, главный из числа временщиков
фамилии не больно-то почетной.

Выходит, больше драться не с руки,
не угодить бы в чан кипящей серы,
да и не зря же грабли коротки
или отбиты, будто у Венеры.

Кто потонул во глубине времен,
не лезет пусть на стогна и на гумна;
конечно, был ты, батенька, умен,
да вот была судьба неостроумна.

Пусть жизнь ушла, – но с ней ушла беда.
Не вспомнить всех, кто жил во время оно.
Спокойно спи до Страшного Суда,
в пустыне той, где нет ни скорпиона.

Русский посол в Крыму, окольниковый. Родной дядя царицы Марии Федоровны Нагой, седьмой жены Ивана Грозного. Сделал многое для предотвращения крымско-турецкой агрессии; так, предупредил царя о готовившемся походе хана Крыма Девлет-Гирея на Астрахань; освобождён, будучи обмененным на крымского вельможу. Стал опричником ещё в Крыму в 1571 году. С 1573 году входил в ближнюю думу Ивана Грозного. В последующие годы участвовал во многих дипломатических переговорах. В 1576–1579 годах – дворовый воевода. Вскоре после смерти Грозного сослан. В момент гибели царевича Дмитрия находился в Ярославле, был обвинен правительством в поджоге Москвы. Видимо, был отравлен.

Филарет в Сийском монастыре 1601

На Сийском озере, в неслыханной глуши,
от стен монастыря тропа ведет полого,
к воде, где окуни, да мелкие ерши,
да щука старая, да тощая сорога.

Подлещик на уху то ловится, то нет...
Здесь, в ссылке горестной, в томлении несытом
пустынничает мних, зовомый Филарет;
еще не скоро стать ему митрополитом.

Цепочка тянется однообразных дней,
пусть мнится здешний край кому-то полной чашей,
но макса сладкая северодвинских мней
не предназначена для трапезы монашьей.

На бесполезный гнев не надо тратить сил,
но к Белоозеру душа стремится снова,
куда любимый сын, младенец Михаил,
отослан волею иуды Годунова.

Никто изгнаннику не шлет вестей в тюрьму,
не умалился страх, а только пуще вырос,
и мних в отчаянье: приказано ему

ни с кем не говорить при выходе на клирос.

Терзают инока мучительные сны,
не по нему клобук и подвиг безысходный,
ночами долгими у Северной Двины
он грезой мучится, бесплодной и голодной.

Пусть бают, что хотят, предание свежо,
уместно обождать во кротости великой,
лишь Годунов помрет, – он на Москву уже
царем заявится или другим владыкой,

чтоб громко возгласить, избавясь от врагов:
мечите-ка на стол – да ничего не стырьте! —
просольну семжину, белужину, сигов,
прут белорыбицы да схаб печорской сырти.

Тельное лодужно извольте принести,
шевружину еще, капусту в постном соке,
икру арменскую и дорогие шти,
уху, учинену со яйца да молоки.

...Такие пустяки найдут из головы!
Грядущее темно, и тяжелы вериги.
Ужели не дойти от Сии до Москвы?
Да только на Руси царем не быть расстриге.

Кто знает, что судьба еще преподнесет?
Пусть мерзостна скуфья, невыносима ряса,

но надобно терпеть сие за годом год
и все же своего сумеет дожидаться часа.

Пусть бесится осман, – не страшен он ничуть,
пусть ляхи точат зуб да ждут жиды мессию,
лишь ни в который век на непрохожий путь
не надо направлять ни Сию, ни Россию.

Нет осуждения монашеским трудам,
а патриарший жезл сойдет и за дубинку,
и в тот великий час рабам и господам
тьнь Грозного еще покажется в овчинку.

Ты как там, Годунов? Здоров иль вовсе плох?
Но, сколь ни царствуешь, ты не поймешь при этом,
что царь в России – Бог, но он не просто Бог:
в России – Бог с людьми, а люди – с Филаретом.

Федор Никитич Романов был сослан в Антониево-Сийский монастырь в 1601 году, был здесь пострижен в монахи с именем Филарета и прожил до 1605 года. «...От Царя и Великого Князя Бориса Федоровича всея Руси в Сийский монастырь игумену Ионе. <...> В нынешнем 113 году марта в 16 день писал к нам Богдан Воейков, что февраля в 3 день сказывал ему старец Иринарх, да старец Леванид, Февраля де в 3 день в ночи старец Филарет старца Иринарха лаял и с посохом к нему прискакивал и из кельи его выслал вон и

в келью ему старцу Иринарху к себе и за собою не велел ходити некуда; а живет де старец Филарет безчинством, не по монашескому чину, всегда смеется не ведомо чему, и говорит про мирское житие, про птицы ловчии и про собаки, как он в мире жил, и к старцам жесток, а старцы приходят к нему Богдану на того старца Филарета всегда с жалобой, что лает их и бить хочет, а говорит де старцам Филарет старец: увидят они, каков он вперед будет, а ныне де и в Великий пост у отца духовнаго тот старец Филарет не был, и к церкви и к тебе на прощенье не приходит и на крылосе не стоит».

Димитрий Кесарь

Трагикомедия. 1606

Царю нехорошо: хоть был здоров напередни,
но про его судьбу глядеть не надо в сонник, —
посмотрит на Москву, доест обед последний
и вскорости помрет, поскольку гипертоник.

...Так было некогда: дворянчик захудалый
из Чудова сбежал в гостеприимный Муром,
в Речь Посполитую, где с наглостью немалой
назвался Дмитрием, понравясь польским дурам.

Он был не то Богдан, не то скорей Георгий,
в монахи стриженный под именем Григорий,
он ляхам расточал толь многие восторги,
что скоро сделался у них в большом фаворе.

Чудесно излечась от наведенных корчей,
предерзостно удрав от гнева Годунова,
восстал из гроба он, князей сильней и зорче,
и восхотел душой в Москве явиться снова.

Князь Ковельский Андрей подох бы от завидок,
прознав его судьбу, иль хохотал до колик, —
столь был невзрачен тот и в целом статью жидок,

короче, просто вор и липовый католик.

Столь быстро он взлетел, что и представить жутко,
жолнеры думали: вот мы в Россию катим!
Тень Грозного его сочла бы за ублюдка,
но Мнишек объявил добротолобным зятем.

Бывало, поворот случался нехороший,
затея наглая едва не прогорела.
Жолнеры прочь ушли, не получивши грошей,
но выручил его прохвост Андрей Корела.

То драму зрил народ, то слушал оперетту,
Москву Димитрий съел с лапшой и потрохами,
но люд уверововал в инсценировку эту,
и воспевал царя не просто, а стихами.

Явился при дворе питомец русской лиры,
кольчугой защищен, молитвой ощетинен,
со тщаньем велием слагающий стихиры
Иван Андреевич, писатель Хворостинин.

Ощерилась страна грядущими гробами,
кто хорохорился, кто помирал со страху,
и даже Федор Конь не шевелил губами,
страдания и слез сдержати не можаху.

...Что, жрешь телятину, не спишь после обеда?
Ты тайный сын царя? Ишь, подобрал папаню!

Какой ты, к ляду, царь! Ты хуже людоеда!
Не ходишь в баню ты, так вот, иди ты в баню!

Златá распалась чепь, не стоит распалаться,
борьба убогая всем сторонам обрыдла,
и боле никакой надежды на поляца,
и пепел с порохом уже смешало быдло.

...Василий, плохо врешь, хотя бы сопли вытри!
Не признан шведом ты и не обласкан Портой.
Поляки требуют, чтоб стал царем Димитрий,
хоть первый, хоть второй, хоть третий, хоть четвертый.

Бузит царевич Петр с Болотниковым купно,
за подкреплением гонца ко Мнишкам выслав,
но не возьмут Москву, что стала неприступна,
ни ирод Шаховской, ни Ваза, что Владислав.

И новый вор грядет из града Стародуба,
во Пскове тоже свой и в Астрахани тоже,
Климентий и Мартын, – любого душегуба
в Москву на русский трон влечет, помилуй Боже...

Зови загонщиков, устраивай облаву,
а хочешь – зал готовь для куртуазных танцев.
Всего-то за шесть лет российскую державу
пыталось оседлать семнадцать самозванцев.

Но суд потомков строг, и ропщут ребятишки,

по первое число в известной драме выдав
Гавриле Пушкину, сокольничему Гришки,
(царю, носившему фамилию Нелидов).

Сгорела кизяком несбывшаяся слава,
хула взаимная – российское богатство.
...Лишь некий иерей, на то присвоив право,
включил Григория в чины анафематства.

Лжедмитрий XVIII

В России – каждый царь, хоть грузчик, хоть крестьянин,
лишь ценами на спирт народы не взбеси.

Однако не забудь, насколько постоянен
закон семнадцати, всеобщий для Руси.

Ни горького стыда, ни легкого румянца
из-за того, что жизнь бессмысленно прошла:
однако не стоит страна без самозванца,
он – суть истории, он – корень для ствола.

Пять Лжедмитриев, царевич Петр, Лаврентий,
Осинник, Симеон, Савелий да Иван —
Ерошка, Гавриил, Василий, да Климентий,
да Федор, да Мартын: немалый караван!

Игру в солдатики или в цари затеяв,
подумай сотню раз: а стоит ли свечей?
Казнили наскоро семнадцать прохиндеев,
но восемнадцатый сбежал от палачей.

Кто был сей хитрый тип? Старик иль парень юный?
Едва ли труженик, скорее феодал,
Дмитрий липовый, обласканный фортуной,
который имени векам не передал.

Кто мылится на трон, готов пойти вприсяжку;
а у него во всем бубновый интерес.
Поди поймай *его* намыленную пятку, —
узнаешь только то, что он не Ахиллес.

Настырный ли диббук, анчутка ли беспятый,
незримой нежити пахан и голова,
безвсякий Яков он, – положим, тридцать пятый, —
или седьмой Иван, не помнящий родства.

Он на судьбу вовек не станет зубом клацать,
к чему грустить о ней, – ему и горя нет,
хотя уже давно три раза по семнадцать
прошло с семнадцати его далеких лет.

Способность ускользать переросла в привычку,
он самозванствует, и потому упрямя.
Другому власть нужна, а он берет наличку,
и в этом фору даст семнадцати царям.

Ну, помахал жезлом, засунь обратно в ранец, —
в восторге публика, – а ты не виноват.
Канат не задрожит: виват тебе, поганец.
Виват сбежавшему, семнадцать раз виват!

С некоторыми разночтениями в именах решительно любой подсчет появившихся в Смутное время самозванных пре-

тендентов на престол дает число семнадцать. Основные имена их можно здесь найти в перечислении.

Станислав Немоевский

Русская тошниловка. 1606

Уж если знаться с кодлой азиатской,
к чему, войдя в горнило, рваться в драку?
И что, помимо грубости схизматской,
возможно ждать от варваров поляку?

Но королю едва ли кто советчик,
из тех, кто не спешит в дубовый ящик;
и должен шляхтич, точно смерд-браслетчик,
понять, что он – не боле, чем алмазчик.

Увы, всегда в законах есть лазейки;
вот из-за них я сделался, представьте,
хранителем немалой гамалейки
бурмицких зерен, сардов, перелявтей.

Такой случился поворот неожиданный
поскольку прикупить решили русы
сафиры свейской королевы Анны,
и таусины все, и балангусы.

Рус против ляха – невелика шишка;
при этом сделку все же да не сглазим;
однако зять ясновельможна Мнишка

не показался мне великим князем.

Пишу затем, что возвестить обязан,
и ныне безусловно подтверждаю:
неблаголепно тот миропомазан,
кто нарушает заповедь седьмую.

В перечисленьях очень буду краток.
Я на столе царя богатство видел
горзалонок скверных и протухших паток,
худых медов, да и дурных повидел.

Сплошная пьянка в этом царстве лживом,
лакать барду, так нет другой заботы,
и мед плохой мешать с отвратным пивом, —
у них в обычай, а не ради рвоты.

А чем тут кормят, — молвить неприлично,
о сем могу поведать лишь изустно,
тут подали на свадьбе, как обычно,
тринадцать блюд, да только все невкусно.

Готовят хуже, чем магометане, —
к столу приносят здесь в поганой чаше
ягнятину, тушенную в сметане,
а та сметана — гаже простокваши.

И так во всем: на суп идет крапива,
из падали состряпано жаркое,

не ставят квас, не доливают пиво,
ну нешто шляхтич вытерпит такое?

И царь подлец: нас по плечу похлопав,
сгреб камешки, не размышляя долго, —
да только вовсе распустил холопов
и был зарублен, не вернувши долга.

Покойника судить я, впрочем, вправе ль?
Что уцелел я, это только к худу.
С кого теперь получит деньги Вавель?
Кому платить за битую посуду?

России лучше слушать безучастно,
что ей пристало тише быть, послушной,
и, наконец, понять, насколько прекрасно
ухаживать за польскою конюшней.

Короче, на России ставим точку:
вредна рабу малейшая свобода,
а то, что я посажен в одиночку, —
что взять с неполноценного народа?

...В начале марта 1606 года Немоевский в сопровождении
16 слуг выехал в Москву с железной королевской шкатул-
кой, в которой лежали завернутые в пеструю шелковую мате-
рию бриллианты, перлы и рубины шведской королевы. Воз-

ле Орши Немоевский встретил Марину Мнишек и ее отца Юрия Мнишка, едущих тоже в Москву к Димитрию, и с ними торжественно въехал в столицу. 26 мая 1606 года Станислав передал лично опьяненному славой и богатством Димитрию заветную шкатулку, и царь благосклонно принял ее, сказав, что посмотрит содержимое еще раз на досуге и даст ответ. Но ответа Немоевскому пришлось ждать два года – в ночь на 27 мая 1606 года (по русскому календарю – 17 мая) Димитрий был убит. На неоднократные челобитные новому царю Шуйскому с просьбой возвратить драгоценности шведской королевы было или молчание, или отписка: «никакого ответа не получишь, жди времени».

Станислав Немоевский, <...> стал скрупулезно описывать каждый шаг «государыни», оказываемые ей невообразимые почести, государевых слуг, ее сопровождавших, их одежду, манеру обращения, обильные застолья и бесконечные пиры в честь приезда Марины Мнишек в Москву. <...> На брачном банкете ему диким показалось поведение москвитян за столом:

Обед открылся теми же церемониями, как и прежде – с обхождения парами стольников около колонны. Как и на иных обедах, ставили по два или по три кушанья, с помощью тех, которые сидели перед столом, и ставили не всё, а было всего тринадцать. <...> На всех столах подавали есть на золоте, и эти тринадцать кушаньев довольно тесно вдоль стола помещались, ибо поперек столы были так уз-

ки, что нельзя было поставить рядом двух мисок, хотя тарелок и не было. Золото то, однако, никакого вкуса не придало кушаньям... <...> Тарелок не употребляют; из миски берут горстью, а кости бросают под стол или опять в миску. <...> Масла не умеют делать, сметаны не собирают, она горкнет; как скоро масло приготовят, его топят; другого не имеют, и потому каждое воняет. <...>

Немоевский увидел, что русские лживы, своего слова не держат, что положиться на их заверения нельзя, что при случае они легко отрекутся от своих слов и даже не покраснеют. Противно было ему слышать нецензурную брань на улицах, откровения пьяных мужиков об интимных связях с женами, видеть эту грубую, неотесанную массу забитого народа. <...> На свадьбах нет музыки, нет танцев – «одно только пьянство».

Ю. Н. Палагин

Ганс Борк

Рыцарь-неваляшка. 1610

От Борьки до Васьки, от Васьки до Гришки,
от Гришки до тушинских мест,
и к Ваське опять все на те же коврижки,
и все их никак не доест.

Где лен, где крапива, где хрен и где редька,
где хутор, а где и сельцо.
И все-то равно, что Мартынка, что Петька, —
лишь бегай, да гладь брюшенцо.

За глупых валахов, за мрачных ливонцев,
за прочих вонючих козлов, —
отсыпят поляки немало червонцев,
немало отрубят голов.

Коль рая не будет, не будет и ада,
нет друга, так нет и врага;
прибравши подарки, всего-то и надо —
удариться снова в бега.

В Москве ли, в Калуге, в Можее ли, в Туле,
восторгом и рвением горя,
уверенно, строгость блюдя, в карауле

стоять при останках царя.

Прыжки хороши и движения ловки,
но лезть не положено в бой;
вот так он и пляшет от Вовки до Вовки,
кружась, будто шар голубой.

При нем торжествует закон бутерброда,
скисает при нем молоко.
Он – двигатель вечный десятого рода
и маятник деда Фуко.

Не действует яд на подонка крысиный,
тот яд для него – перекус,
и нет на земле ни единой осины,
что выдержит эдакий груз.

...Но облак вечерний закатом наохрен,
но тянет с востока теплом, —
а жизнь коротка, и пожалуй, что пó хрен,
гоняться за этим фуфлом.

У Шуйского был один немец по имени Ганс Борк, который некогда был взят в плен в Лифляндии. Его-то Шуйский и послал со 100 немецкими конниками под Брянск, а этот Борк прошлой зимой перешел от Шуйского в войско Димитрия в Калуге, но потом, оставив там на произвол судьбы своего

поручителя, снова перебежал к Шуйскому, который за доставленные сведения пожаловал его ценными подарками; но у Шуйского он не долго задержался, а вторично перебежал к Димитрию второму, который воздал бы этому изменнику по заслугам, если бы его не упростили польские вельможи. Однако, не пробыв и года у Димитрия, он чуть было не переманил у него крепость Тулу (перед тем сдавшуюся Димитрию) и не передал ее Шуйскому, но, поняв, что его лукавые козни замечены, он убрался восвояси в Москву к Шуйскому, который опять с радостью принял его и, как и в первый раз, щедро одарил его за замышлявшуюся пакость в Туле.

Конрад Буссов

Капитан Жак Маржерет Гугенот Московский. 1611

У мира вкуса нет, а вкус войны отвратен:
что ж после этого дивиться послевкусью?
Зато Россия – край великих белых пятен,
засим и справиться весьма непросто с Русью.

У нас затуплен меч, у нас подмочен порох.
Восточные врата у нас отменно ржавы.
А у России врат нет вовсе некоторых
и вовсе нет искусств, и в этом мощь державы.

Европе этот край куда как любопытен.
Как называть его? Вопрос отменно странен:
его бы надо звать странюю московитян,
коль Франция была б странюю парижанян.

В сравнении с Москвой изрядно мы убоги,
у нас бездельники окружены почетом,
у наших королей уходят все налоги
мазилам всяческим, а также стихоплетам.

Хотя и то скажу, что страшной прежней мощи
при нынешних царях в Москве я не нашел уж:
боярам нынешним желанна власть попроще,

что их бы не драла за меховой околыш.

Беда со званьями! Тут спорят неустанно,
как своего царя вознесть пред мощью вражьей.
Не император ли достойнее султана?
Чин выше ль герцогский, а может – титул княжий?

Несчастный царь Борис, несчастная царица,
страну спасавшие в годину недорода!
Здесь ведает народ: коль голод приключится,
так именно царем испорчена погода!

В итоге предпочли они царя-болвана,
свой уподобив край глубокому болоту,
один Димитрий, – сын великого Ивана, —
царем казался мне, французу-гугеноту.

Но истины страна нисколько не искала,
да и теперь судить мне вовсе не по силе:
иль самозваному Москва рукоплескала,
иль настоящего оклеветал Василий?

К чему чернила здесь, но и к чему белила?
А все-таки его жалеть велит мне разум,
хоть бородой его природа обделила,
хоть бородавку он имел под левым глазом.

В одну лишь Польшу мне оставлены дороги,
и ни копейки нет – не то что луидора,

и виноват ли кто, что я теперь, в итоге,
на льду Москвы-реки добился лишь позора?

Что жизнь кончается, – не повод для насмешки.
Коль чашу выхлебал, так не проси добавки.
И если ждешь орла, как раз дождешься решки,
а коль фортуны ждешь, – дождешься бородавки.

...Эти русские с некоторых пор, после того как они сбросили иго татар и христианский мир кое-что узнал о них, стали называться московитами – по главному городу Москве, который носит княжеский титул, но не первый в стране, так как государь именовался некогда великим князем владимирским и теперь еще называет себя великим князем владимирским и московским. Поэтому ошибочно называть их московитами, а не русскими, как делаем не только мы, живущие в отдалении, но и более близкие их соседи. <...> Я хотел предупредить читателя, чтобы он знал, что русские, о которых здесь идет речь, – это те, кого некогда называли скифами, а с некоторых пор ошибочно называют московитами, поскольку московитами могут называться жители всего лишь одного города; все равно как если бы всех французов стали называть парижанами по той причине, что Париж – столица королевства Франции.

Жак Маржерет

В грамоте, посланной англичанам, князь Дмитрий Пожарский весьма резонно заявил, что, учитывая все деяния наемника Маржерета, – «Московскому государству зло многое чинил и кровь крестьянскую проливал, ни в котором земле ему, опричь Польши места не будет». Слова князя оказались пророческими. С 1612 г. Маржерет действительно скитался по Польше и Германии и до своей смерти в начале 20-х гг. исполнял роль французского политического агента и мелко-го фактора по торговле мехами.

Ю. А. Лимонов

Конрад Буссов

Наемник. 1612

Наемник, ты облаян и охаян,
зато не думать можешь о судьбе:
кто лучше платит, – тот и есть хозяин,
и жаловаться не на что тебе.

Россия больше Даний и Германий, —
и глупо, что у шведов царь Борис,
с такою мощью, против ожиданий,
Мариенбург и Нарву не отгрыз.

Подумал бы, владыка, на досуге!
Хозяйственно на дело посмотри!
Чем лучше платят, тем надежней слуги.
...Да только мрут московские цари.

В порфире Гришка, без кафтана Тришка,
за вором вор, и следом тоже вор.
Чесночная боярская отрыжка,
что в воздухе висит, как шестопер.

Орет народ с восторга и со страху,
а слушать, что орут, – и смех и грех;
к кому-то там воззваху, называху, —

а что с того, коль все противу всех?

Без меры люд российский осчастливлен,
возрадовалась глупая Москва:
князь Шаховской опять надул путивлян
и вытащил царя из рукава.

И поделом башкам поляков дурьим;
узнать несложно корни по плодам, —
их посадили в тридцать разных тюрем
по тридцати далеким городам.

Печально, Русь, смотреть на этот фарс твой,
не отводя глаза, из-под руки:
хоть царствуй, хоть мытарствуй, хоть бочарствуй,
а все тебя растащат на клочки.

Жаль, если о тебе забудут книги,
и жаль, что путь ведет сегодня мой
от Тулы до Смоленска и до Риги,
и дальше, до Ганновера, домой.

Что уповать на старческую силу?
Рассказывать – не хватит жизни всей,
и жаль, что всё почти возьмет в могилу
вернувшийся наемный Одиссей.

Конрад Буссов – представитель тех авантюристов-ино-

странцев, которых было так много в Европе XVI–XVII вв. и которые являлись главным источником, откуда черпались и за счет которого пополнялись кадры наемных солдат-ландскнехтов многочисленных армий того времени, столь насыщенного войнами всех видов.

Предложение Буссова о сдаче Мариенбурга не было (или не могло быть) принято правительством Бориса Годунова, и в начале 1602 г. Мариенбург, как и Нейгаузен, были заняты поляками. Но это не означало прекращения секретных связей Буссова с агентами Бориса Годунова. Напротив, такая деятельность Буссова в пользу России продолжается до самого конца его пребывания в Ливонии. Больше того, именно этой деятельностью и объясняется то, что Буссов оставил Ливонию и оказался в России. <...> Итак, Конрад Буссов – изменник, глава заговора, составленного в Нарве, участники которого заключили с Борисом Годуновым соглашение, имевшее целью «изменнически отторгнуть Нарву от шведской короны и предать ее России». Это свидетельство <...> не является ни неожиданным, ни способным вызвать сомнение в его достоверности. Оно полностью отвечает общему авантюристическому облику Буссова. <...> При этом Буссов исключительно скуп по части сообщения каких-либо данных автобиографического порядка. Те немногочисленные места сочинения Буссова, которые содержат автобиографические моменты, известны, можно сказать, наперечет. <...> Этим же можно объяснить и то, что, даже когда в рассказе о тех

или иных событиях или лицах Буссов называет себя очевидцем этих событий, он большей частью избегает говорить о том, где он находился и что делал во время этих событий.

Поэтому история жизни Буссова в России является почти столь же темной и загадочной, как и на ее предшествующих этапах.

И. И. Смирнов

Исаак Масса

Промемория Морицу Оранскому. 1614

Неверно говорят, что москвит
всех более на свете страховит:
кто так речет, – молчал бы, не позорясь.
Среди негоций и других трудов
я восемь прожил в той Москве годов.
Прими мой робкий труд, великий Морис.

Вполне предвзятых мнений сторонясь,
скажу: не столь давно великий князь
привержен стал отеческим заботам:
он первенца немедля утопил,
затем второго посохом убил,
а третий оказался идиотом.

Тот вовсе не готовился в цари,
как ты на сей вопрос ни посмотри, —
не нужен скипетр нежным мальчуганам.
О том, пожалуй, говорить не след,
он был царем почти пятнадцать лет
но был, увы, политиком поганым.

Однако шурин старшего царя
шалался возле трона не зазря,
и, младшего считая за болвана,
смекнул: кому, кого, зачем, куда,
не пожалел старанья и труда,
и был убит четвертый сын Ивана.

...Боюсь, увидеть можно за версту:
я нынче что-то лишнее плету
об этом самом Годунове, то бишь
уместно сей расхваливать бардак:
в России брякнешь что-нибудь не так,
и сам себя немедленно угробишь.

...А, впрочем, нет, совсем наоборот:
возненавидел деспота народ,
он на Москве считался зверем сущим,
и, чтоб не заморачиваться впредь,
ему бояре дали помереть,
как он давал владыкам предыдущим.

Еще не вовсе оный царь протух,
когда от Польши прикатился слух,
что царь воскрес, и что не Годунов он:
был этот парень тот еще петух,
и весь народ челом о землю – бух,
и был он всем народом коронован.

Однако у судьбы готов ужал:

и слух среди народа пробежал,
что все поляки суть ночные тати.
Обратно в Польшу покати́лась весть:
хоть всех волков теляти можно съесть,
да только царь не может есть теляти.

Описывать подробно не берусь,
как в эти дни рассвирепела Русь,
и, меж собой немного покалякав,
вошла в неописуемый азарт,
и буря околесиц и чехард
пошла крушить и немцев, и поляков.

Я нынче никого не обвиню,
что перешло махалово в грызню,
что Русь явилась в новой ипостаси,
когда что белый день, что темный лес,
когда то хай, то буча, то замес,
то драки, то бои, то свистопляси.

И как-то сразу стало тяжело,
совсем, весьма, и слишком, и зело,
и порешил народ, слегка подумав,
что слишком горек Вавеля нектар,
что лучше уж хлебать кумыс татар,
что Сигизмунды хуже всех Кучумов.

Давай-ка ты, незванный гость, приляг.
О том и не хотел бы знать поляк,

да только жизнь дороже для рубаки.
У Сигизмунда больше нет идей:
в Кремле поляки режут лошадей,
и скоро их самих съедят собаки.

...В России нынче та же чехарда,
с ордой воюет новая орда,
и на воров войною ходят воры.
Все кончится в ближайшие года,
но, коль посольство отправлять туда,
то не с кем там вести переговоры.

И, возвратясь к родному очагу,
я только скромно уповать могу
читателя найти в достойном принце,
в чьих жилах кровь Оранская течет.
Смиренно вам вручаю сей отчет,
великий воевождь семи провинций.

Федот Котов

Хождение. 1624

Россия, Персия, одна ебёна мать.

Сергей Петров

Куда как долог путь по Волге до Персиды!
В Индею да в Урмуз, – за берегом новый берег, —
Да вот еще купцу великие обиды
наносит бусорман: татарин да узбек.

Киюз, карамсарай, тропа до Ыспагани:
с верблюда каждого везде плати рахдар;
запоны разные, что учтены заране:
потерпим, только пусть не отберут товар.

Ведет безводный путь то в гору, то в долину;
доехать надобно с Дербени на Шаврань,
а там на Шемаху, – а угодишь к лезгину, —
три киндяка с вьюка с поклоном притарань.

Зато за Шемахой есть земли плодovиты,
не только много там достойных овощей,
но тулунбасы есть, шелка и аксамиты —

и тысячи иных пользительных вещей.

А город Ыспагань садами весь обрамлен,
для всех один закон великим шахом дан, —
здесь множество жидов, армяньян и аврамлян
торгуют, поутру стекаясь на майдан.

По праздникам в сады лежит дорога шаха,
от жонок и робят аж звон стоит в ушах,
а кто не голосит, – тому готова плаха,
зане на похвалы зело повадлив шах.

В мечетях абдалы нагуливают пузо,
а по ночам не спит ни турок, ни арап,
что в месяц рамазан, да и в часы навруза
пьют до утра чихирь и мнут дешевых баб.

Я озирать устал горячую Персиду,
уже не до чудес московскому купцу,
нисколь не жалеюсь, что днесь домой отыду,
и повесть подвести положено к концу.

Еще б рассказывал, да только ехать надо,
подробно говорить об этом смысла нет, —
боюсь, что в пятницу не выпустят из града:
здесь пятницу блюсти велел пророк Бахмет.

Как дальше поступать – мы разберемся сами;
но мысль особую имею в голове:

чем на Персиде быть верховным псом над псами,
то лучше просто быть собакой на Москве.

Что, дело тонкое – Восток для инородца?
Кто хочет знать ответ, – тогда меня спроси:
и я на то скажу, – где тонко, там и рвется,
а стало быть, – меня заждались на Руси.

Федот Котов известен своим путешествием в Персию в 1623–1624 годах, которое он совершил по поручению царя Михаила Федоровича Романова «в купчинах, с государевой казною», выступив из Москвы в сопровождении отряда из восьми человек. Поскольку Котов купечествовал с царскими товарами, это обстоятельство давало ему множество различных привилегий, в первую очередь – отсутствие всевозможных дипломатических препятствий на своём пути. Историю своего посольства он описал в труде под названием «О ходу в персидское царство и из Персиды в Турскую землю и в Индию и в Урзум, где корабли приходят», которое было записано с его слов в первой половине XVII века и опубликовано более чем через два столетия после завершения его странствий с сохранившейся рукописи; возможно, этот своего рода дневник он вёл намеренно, по специальному повелению Посольского приказа.

Яков Хрипунов

Три пуда одекуя. 1630

От бесконечных войн земляца подустала;
пора бы отдохнуть стрельцам да пехтуре,
и заплатить долги, но вовсе нет металла
в монетных мастерских на денежном дворе.

Кто знает, от кого и кто сие услышал,
старинная Москва на выдумки щедра:
богато наградит того, кто рылом вышел,
Тунгусия, страна слонов и серебра.

Трофей богат зело, да порученье скользко.
Сколь велика Сибирь, где ты один как перст!
Приказано дойти к Тунгуске от Тобольска,
короче, одолеть все тридцать сотен верст.

Не возразишь: пойдешь что волей, что неволей,
но скажешь ли кому, сколь этот путь рисков?
Зерколишек возьми – менять на мех соболий,
и браги не жалея для всяких остяков.

Слух про богатства имеется в народе,
но, если врет народ, быть, стало быть, беде:
Берут-де там руду, да плавят серебро-де,

да только не поймешь – берут-то, гады, где.

Князишки купятся на русские посулы, —
наутро вспомнят ли, что пили ввечеру?
Пусть олово берут за просто так вогулы,
но путь желаемый укажут к серебру.

Тунгус горазд болтать, да верить ли ловчиле?
...Но и казнить его не следует пока:
из руд, что он принес, расплавив, получили
отливку серебра на три золотника.

Конечно, риск велик – придется жить, рискуя;
коль верную тропу укажет местный люд,
так подарить ему три пуда одекуя,
пятьсот зерколишек да шесть десятков блюд!

Так что ж запрягано под валуном лежачим?
Открыты берега, морозу вопреки.
Легко бы серебро найти войскам казачьим,
да только серебра не ищут казаки.

Для инородцев тут любой казак – вражина,
бурят бы и принес весь тот ясак добром,
однако что ни день беснуется дружина,
коль запрещаешь ей устраивать погром.

И пишет он, уста молчаньем запечатав:
«Сибирь не для воря, и это весь ответ:

не больно-то легко собрать ясак с бурятов,
а что до серебра, – его здесь просто нет».

И более угроз желая не имати,
ушел Игнатъевич в пургу и снеговертъ:
чем сгинуть у царя в промозглом каземате,
так лучше средь тайги спокойно встретить смерть.

Примеривал февраль морозную обнову,
был день второй поста у христиан, когда
пустыня белая открылась Хрипунову:
вовек не досягнет рука Москвы туда.

Уж лучше погибать в таежной лихоманке,
чем от лихих друзей быть выданным врагу, —
и встретить тень царя однажды она свиданке
случится стольнику, замерзшему в снегу.

Века надвинутся, и в узелок увяжут
необретенный клад серебряных монет,
и, в общем-то, плевать, что именно расскажут
минувшие снега снегам грядущих лет.

В 1623 году бывший енисейский воевода Яков Игнатъевич Хрипунов возглавил экспедицию в «брацкую страну». Одной из основных задач его экспедиции в страну бурят был поиск серебряных месторождений в тех краях. Изобилие се-

ребряных украшений у встреченных ранее «бращих мужиков» натолкнуло русских на мысль о том, что в их стране может скрываться большое месторождение этого металла. Поэтому Хрипунову был вменен в обязанность, наряду со сбором соболиной казны поиск серебряных руд. <...> Хрипунов отправил вверх по Тунгуске двенадцать казаков для поисков серебряной руды. <...> В результате этих опытов «из руды трёх гор изо шти золотников родилось три золотника с четвертью чистово серебра». <...> Образцы, привезённые казаками находили подтверждение в рассказах ясачных людей о неких князцах Окуне и Келте, обитавших на какой-то малой речке близ Тунгуски. По рассказам ясачных тунгусов, «около их жилищ есть Камень, до которого судами идти невозможно. В горе у князцов имеется серебряная руда, из которой они берут понемногу камней и плавят серебро, и которое де, серебро они переплавливают, они де, то серебро носят себе на нагрудниках». <...>

Проблемой хрипуновской экспедиции было то, что чаемых «серебряных руд» они не находили, а вот за средства, отпущенные на экспедицию, отвечать бы пришлось. Ну и в принципе, разношёрстное воинство совершенно очевидно ориентировалось на личное обогащение. Обогатиться же можно было, только до нитки ограбив окрестное население, – что они, с огромным удовольствием и сделали. Удовольствие же это икалось дальнейшим русским партиям в Предбайкалье добрых двадцать лет. В начале 1630 году по

делу Хрипунова было назначено следствие, не сулившее ничего хорошего. 17 февраля 1630 года неугомонный воевода умер – о деталях рассказано в стихотворении почти дословно документам.

Михаил Кречмар (в сокращении).

Петр Бекетов

Основание Якутска. 1636

Здесь индрик из-под скал показывает клык,
здесь драгоценное блестит речное ложе,
здесь соболь шелковист и бобр зело велик,
здесь место рыбисто и для житья угоже.

По тайгам казаки три долгих года шли
во соблюдение московского указа.
Чтоб сердцем город стал якуцкия земли,
основывать его пришлось четыре раза.

И вышел на берег отряд передовой.
И, государевой благословен рукою,
в год семитысячный и сто сороковой
поставлен был острог над Леною-рекою.

Ему подаст земля толь тороватый плод,
что вряд ли будет вред от редких половодий;
да станет войску он казачьему оплот,
защита ясаку и пороху кустодий.

Кто здесь поселится, – собьет с тунгусов спесь:
кто добывает соль, – еду как надо солит.
Любой добравшийся остаться сможет здесь,

лишь основателю остаться не позволят.

...Ему же и беда, что пышут из нутра
терпенье ангельско и велелепье адско;
боюсь бы, не видать нам без того Петра
ни Верхнеудинска, ни Нерчинска, ни Братска.

Страна великая проигранных побед,
нетающих снегов и муторной цифири;
в том много ль радости, чтоб три десятка лет
с убогим воинством мотаться по Сибири?

Но не поймет чужак, чем любо голытьбе
жить между молотом и жаркой наковальней,
а если есть печаль во эдакой судьбе,
так доля индрика, поди, еще печальней.

Уходит летопись, – кто ведает, куда, —
тоскует край, тремя империями битый;
и, город отразив на краткий миг, вода
степенно в океан стекает ледовитый.

25 сентября 1632 года отряд енисейского сотника Петра Бекетова заложил Якутский острог. В 1635 году местные казаки получили право называться якутскими казаками. Бекетов позднее основал еще несколько городов (Жиганск, Олекминск, Нерчинск и др.).

Деорса-Юрий Лермонт Смоленск. 1633

Храбрый солдатик, куда ж ты приперся,
распрей замученный и шебаршой,
мальчик семнадцатилетний, Деорса,
клана шотландского отпрыск меньшей?

Понял ты рано: что в жизни ни делай, —
в бой без аванса не надобно лезть.
Бросить наемников в крепости Белой —
это дворянская польская честь.

...Смылись поляки, не хлопнувши дверью.
Кто б из наемников не офигел?
В крепости между Смоленском и Тверью
сделался русским затурканный гэл.

Сделался, и не искал вариантов,
скотт на войне не бывает скотом.
Лермонт ты звался, а стал ты Лермантов,
сотником стал, православным притом.

Сколько врагов на веку перебил ты,
шкотския немец далекой страны?
Редкость в России шотландские килты.

Носят в России обычно штаны.

Каждая сволочь об этом лепечет,
шепчется кремль, недоволен посад:
то ли тарган недостаточно клетчат,
то ли неправильно он полосат.

Но никаким не подвластен хворобам
из Дал Риады пришедший народ,
и отличился геройством особым
парень в бою у Арбацких ворот.

Мысли о доме в бреду предрассветном,
и ни единой о нем – наяву.
Драться приходится с быдлом шляхетным,
прущим с хохлатой шпаной на Москву.

Вряд ли научишь стрелять ополченца,
если бедняга стреляет впервой.
Вряд ли дождешься восьмого коленца,
род на котором окончится твой.

Русская речь превратилась в привычку,
годы все более тянут ко дну.
Ты покидаешь жену-чухломичку,
снова идешь под Смоленск на войну.

...Каждого время оставит в покое,
если со злобы не вставит судьба

в вечную память и в сердце людское
ни дезертирства, ни даже горба.

Часто добро превращается в худо,
реже удачей бывает беда.
Можно увидеть – и как, и откуда,
непредсказуемо – что и куда.

Из-под руки посмотри загубелой.
Чуть попридержишь ладонь надо лбом, —
мигом увидишь отчаянно белый
парус в тумане морском голубом.

Представитель семьи Лермонт (Learmonth) Георг (Деор-са) Лермонт, попавший в плен к русским в 1613 году, принявший православие и оставшийся на русской службе под именем Юрия Андреевича, происходил из равнинного (лоулендерского) клана, так что, будучи кельтом, собственно гэлом (хайлендером) может считаться с натяжкой. Однако именно таковым считал его прямой потомок в восьмом поколении – Михаил Юрьевич Лермонтов. Родословная между ними восстановлена полностью.

Дружина Огарков

Наглость второе счастье. 1635

В России склочнику живется слаще всех.
От куманька сего не ожидай подарков.
Терпенье долгое – почти всегда успех,
но думать не моги, – уступит ли Огарков.

...Всё сорвалось. Москва опять подымет вой,
да только хоть стращай пожаром, хоть потопом,
ни хлеб с ножа, ни меч над дурьей головой
мунгала гордого не сделают холопом.

А дьяк такой второй: шлет жалобы в приказ, —
мол, этот сучий сын, а этот тож собака;
знать, ябеды плодить в пятидесятый раз —
уменье главное, да и призванье дьяка.

Тебя – или себя – он точно вгонит в гроб;
с ним просто говорить, не то, что спорить, тяжело:
тут не подействуют ни розга, ни ослеп:
иль ты не ведаешь, с кем ты связался, Яшка?

Пять лет всего, как с ним наплакалась мордва,
там до сих пор клянут Огаркова Дружину.
Что ни скажи ему, ответишь за слова,

и сколь ни дергайся – не упредишь вражину.

Конечно, уповать на честь и верность зря
у повелителей конюшен и свиначен,
да кто же виноват, что шерть Алтын-царя
не стоит зипуна, что был ему подарен?

И так-то пакостно, а тут домашний кат
грозит расправою и обвиненьем ложным!
И, право, стоило ль в вино бросать дукат —
и чашу на троих пить с тем царем ничтожным?

...Зазнайка мерзостный, да шел бы ты к свиньям,
как раз ты среди них сойдешь за домочадца!
В Москве-то помнит всяк: боярским сыновьям
письму и чтению не нужно обучаться.

Ругаться на козла – лишь воздух сотрясать,
и сколько ни лупи, – лишь пальцы онемеют:
сажай его в острог, – да он горазд писать,
хоть бей, а хоть не бей, – да он читать умеет!

И есть один лишь путь, чтоб сгинула беда:
ни сердца, ни души бесплодно не уродуй,
но расхвали его: глядишь, и навсегда
его на Вологду поставят воеводой!

Кукушкиным яйцом сей вылуплен птенец.
Не оскорби его ни мыслью, ни словесно!

Не ведает никто, кем был его отец,
а вот кто мать его, – так это всем известно.

И сколько радости, хоть это и пустяк,
с его головушкой проститься забубённой,
увидя вдалеке, что окаянный дьяк
идет не к Вологде, а к матери согбённой.

Колоритной фигурой был и первый помощник Якова Тухачевского, Дружина Огарков. В свое время на Руси Огарков «заварил» такое дело, что, как это бывало нередко у нас в стране, чтобы от него отвязаться, ему дали отличную характеристику и с повышением отправили в Томск. Но и здесь он не угомонился, и оказался героем многих скандалов. Забегая вперед, скажем, что и на Тухачевского он объявил «государево слово». Следствие по этому делу длилось около двух лет, и в конце концов на радость казаков кляузный подъячий был бит батогами и посажен в тюрьму. Но и на этот раз он не успокоился и стал закидывать Москву жалобами уже на томских воевод. Дело опять завершилось обычным путем: чтобы отвязаться от него, томские власти выдали ему хорошую характеристику, и в 1651 году Огарков уже сидел на новой должности в Вологде.

Владимир Богуславский

Иван Грамотин

Колесо фортуны. 1638

Не бунчук ли, не хвост над страную кобылий?
Дьяк сидит в размышленье, судьбу матеря,
ибо ясно, что власть не удержит Василий:
сколько гривен дадут за такого царя?

Пирога не найти в годуновской макитре,
не поймешь, кто властитель сегодня и здесь;
стал посмешищем царь неудачный Димитрий,
если править не можешь, – к престолу не лезь.

Ни к чему заниматься бесплодной погоней,
кто себе на уме – тот себе господин.
Чем правитель щедрей, – тем правитель законней.
Все одно не законен из них ни один.

Каждый может взглянуть на зимующих раков,
только дьяк не приемлет судьбу такову.
Много ль разницы: с войском идти на поляков,
или ехать из Польши с посольством в Москву?

Всех на свете враньем бесконечным измаяв,
кто другой и попал бы, возможно, в тюрьму.
Десять лет – постоянная смена хозяев,

но Ивана поймать не дано никому.

В дамках тот, кто не сделает лишнего вздоха,
тот, кто умное сделать умеет лицо,
что ни день прибирая лежащие плохо
деревеньку, слободку, починок, сельцо.

Не начавши речей, их не должно кончати,
чашу власти ты выжрешь до темного дна.
Ты – хозяин верховной российской печати,
так что даже корона тебе не нужна.

О, губа у тебя, безусловно, не дура,
ты ворон не считаешь, не щупаешь кур;
ты изменник, предатель, продажная шкура,
но с любого сдерешь семью семьдесят шкур.

Дипломатия – это великая сила,
ну, а верность кому-то – одно баловство;
то ли жил ты в эпоху царя Михаила,
то ли помнят тебя и забыли его?

Да, конечно, воспрянуть уже не по силе,
перед смертью никто не закусит удил.
Так возьмешь ли с собою, монах Иоиле,
все, что выпил, проел, проиграл, проблудил?

Память вечную чин отпевания прочит,
но, с презрением громко сморкнувшись в усы,

дипломат-колобок удаляясь, хохочет,
ибо нет на пути ни единой лисы.

Думный дьяк, трижды, при разных государях, возглавлял Посольский приказ. В ноябре 1604 года Иван Грамотин отправлен Борисом Годуновым против Лжедмитрия I. Однако Грамотин присягнул самозванцу, который и пожаловал его в думные дьяки. В 1606 году Иван Грамотин с польскими послами вёл переговоры. Он вновь совершил измену, на этот раз Лжедмитрию I, перейдя на сторону Василия Шуйского, однако Шуйский, наслышанный о *преданности* Ивана Грамотина, отлучил его от двора, отправив в 1606 году дьяком во Псков. Это не соответствовало желаниям Грамотина занимать видное место возле российского престола, поэтому уже через два года он сбежал в Тушино, где вновь принёс присягу, на этот раз Лжедмитрию II. В 1610 году, вскоре после низложения с трона Василия Шуйского, Иван Грамотин пожалован Сигизмундом в печатники и поставлен руководителем Поместного и Посольского приказов.

В 1612 он приехал в Польшу, куда его послали, чтобы максимально ускорить приезд Владислава. После Московской битвы, однако, Грамотин уже не спешил вернуться в Россию и до 1617 оставался в Варшаве. В начале 1618 года Грамотин всё-таки вернулся в Москву и даже сумел добиться подтверждения звания думного дьяка, благодаря чему про-

должил службу в Новгородской чети и Посольском приказе. По возвращении в город Патриарха Московского и всея Руси Филарета (Романова), Ивану Грамотину стали поручать важные государственные дела. Всё это время Иван Грамотин не оставляет свойственные ему интриги и происки, и в 1626 году терпению Филарета приходит конец. Он лично настоял, чтобы думный дьяк был отправлен в Алатырь. Только в 1633 году, уже после смерти Филарета, Грамотин смог вновь вернуться в Москву, где снова добился милости государя и даже получил титул дворянина. В 1634 году Иван Грамотин был пожалован в печатники с правом писаться с «вичем». С момента своего возвращения в Москву и до самой смерти в 1638 году Грамотин вёл активную внешнеполитическую деятельность. Был одним из самых богатых людей своего времени.

Посник Иванов прозвищем Ленин Ясачник. 1638

Докамест недолись не вовсе окунела,
найдешь занятие, о сем не хлопочу,
а там перекрестись да и берись за дело,
когда ж сочтешь ясак – ступай да ставь свечу.

В обычай даннику прикидываться бедно,
всю рухлядь вешнюю пусть прочь уволокнут,
задаром не возьми роскошное медведно:
уж тут-то проведет тебя подлец-якут.

Он принесет не всё, он будет тише мыши,
и сходу не давай ему потачки ты,
лисицу красную цени намного выше
недособолишек с пупки и со хвосты.

Ясак перебери, любую шкурку хая,
сторонних к соболям не допускай купцов,
шесть острядей возьми себе для малахая,
но черных не бери на шубу одиноцов.

К соболью мелкому приценивайся тонко,
восхощет ли казна подобного добра?
Отнюдь не экономь, когда несут кошленка,

и больше заплати, чем просто за бобра.

Не ошибиться тут – наука непростая,
даруется она не всякому уму,
не больно-то плати за шкурки горностая,
зверь, может, и красив, но в холод ни к чему.

А хоть бы этот край якуцкий вовсе вымер!
Одни лишь соболя имеют цену тут,
ведь шесть десятков шкур составят полный циммер,
а иноземцы счет на циммеры ведут!

И да не выключают твоих припасов куры!
И да не нападут ни чукча, ни тангут!
С тунгусския земли не надо драть три шкуры,
затем, что шкуры те и сами прибегут.

В 1637 году основатель Вилюйска казак Посник Иванов, по прозвищу Губарь, с тридцатью конными казаками перевалил за «Камень» (Верхоянский хребет). Местные якуты не оказали казакам никакого сопротивления и дали ясак соболями. На Яне русские собрали некоторые сведения о восточных «землицах» и «людишках», а именно: об «Юкагирской землице, людной на Индирь-реке». Летом он продолжил конный поход. Вернувшись в Якутск, он рассказал о новой, богатой соболями Юкагирской земле. В 1638 году он основал Верхоянск, в 1639 году достиг Индигирки и зало-

жил Зашиверск. Считается, что одним из потомков Посника был Николай Николаевич Ленин, – ему обязан псевдонимом Владимир Ильич Ульянов-Ленин, когда он, скрываясь от полиции, воспользовался паспортом Н. Н. Ленина.

Адам Олеарий

Русь Беспричинная

Синдром Стендаля. 1647

Снаряжает посольство в страну на востоке
Фридрих Третий, Голштинский и Шлезвигский арцух,
там везде, говорят, несмотря на пороки,
много чести в бойцах, много мудрости в старцах.

И туда, в дикий край сыродцев и тундры,
где кочуют народы с широкою харей,
в экспедицию, Фридрихом взят на цугундры,
уезжает ученый Адам Олеарий.

Но заказывать скорбный не стоит молебен,
надо ехать, хотя и с большим подозреньем,
что загадочен край, а не то и враждебен,
где закусывать водку умеют вареньем.

Дешевизна царит в той стране необычной:
две копейки за курицу или два ряпа,
пять семишников стоит барашек отличный
и всего на копейку – с малиною шляпа.

Не страна, а огромная добрая скрыня,

упоенье сыты, благодать саломати!
Так сладка благолепная русская дыня,
что ее и без сахара можно вкушати!

У купцов там великое множество связей,
кто подобное многожды видывал в жизни?
Алтабасов, дамастов, атласов и бязей
отчего ж не купить при такой дешевизне?

Ну, а если захочет бывалый рубака
снарядиться обновой для службы оружной, —
он легко подберет для себя аргамака,
и чекан, и байдану, и меч харалужный.

Впрочем, нет на Руси благородных дуэлей,
нет по поводу драк никакого закона,
но легко возглашаю с суровостью велей:
Bledinsin, Sukkinsin, Sabak, Matir Jabona.

Но поведать бы стоило даже и ране,
от подобных вещей с отвращеньем отпрянув,
что не только мужчин здесь ласкают по пьяни,
но и коз, и овец, и козлов, и баранов.

Впрочем, каждый решает, поверить ли вздорам:
разве все исчисляется в звонкой монете?
Иноземцу судить ли о крае, в котором
ничего не поймешь и за десять столетий.

Край, которому верен безродный и знатный,
край неслыханно грешный и напрочь невинный,
край рыбешки отвратной и доблести ратной,
край, настоль благодатный, былинный и блинный.

Где тебе не жалеют последней рубахи,
где проходим, куда-то бредущим далече,
из церквей на дорогу выносят монахи
огурцы, и капусту, и редьку, и свечи.

Лишь тайгу, лишь пустыню, лишь скалы со степью,
предъявляет паломнику вечность седая,
ибо смерть и рожденье не скованы цепью,
ибо Волга течет, никуда не впадая.

...Но добавит судьба небольшой комментарий:
непригоден романтик для мелкого торгова,
и провалит работу Адам Олеарий,
потому как возьмет и помрет от восторга.

В 1633, 1635, 1643 годы Адам Олеарий в составе шлезвигского посольства в Персию посещал Россию. Книга, написанная им об этих путешествиях, – это один из лучших и полных этнографических источников, описывающих Русь XVII века. Между тем ни единой торговой цели, поставленной перед посольствами, достигнуто не было.

Боярин Борис Морозов Соляной бунт. 1648

*А впрочем, соли всюду грош цена:
Просыпали – метелкой подмели.*

Георгий Иванов

На западе народ ползет в корчму,
а на востоке он ползет в кружало.
Без видимого повода к тому
в четыре раза соль подорожала.

Ватага в кабаке невесела,
весь разговор: отколе и доколе.
А у царя – пиры да сокола,
Похоже, – государю не до соли.

Для горожан лишь розги да кнуты,
должок, да недоимка, да утряска.
А чем солить голяшки и хвосты?
Чем жереха солить и чем подъязка?

Неужто царь доселе не знаком
с чинимым на Москве неблагочестьем?

Беда, что обзавелся свояком,
беда и то, что обзавелся тестем.

Беда, беда для честного купца!
Настоль казна неужто оскудела?
Почто народу жить без огурца?
А без капусты – статочное ль дело?

А был бы подлый тот искарיות
утоплен в бочке из-под тухлой рыбы!
Сидел бы на колу Траханиот,
да и Чистой пошел под топоры бы!

По маковку засунуть бы в тузлук
боярина, что злее василиска!
И пусть бы он не прятался за слуг,
а пусть бы к людям вышел тот Бориска!

А посадить его бы под арест!
А с ним потом поговорить народу!..
А тот Бориска слушает да ест:
и от Кремля куда подале ходу.

Набает летописец-пустобай,
про то, как власть угомонила гниду,
и, сколько ты голов ни отрубай,
все государь семью не даст в обиду.

Столетия три, читатель, обожди,

увидишь, как учебник скалит зубы,
за коими – крестьянские вожди,
ушкуйники и просто душегубы.

Они боролись не за просто так!
Чай, не по воробьям стреляли пушки,
чтоб стала соль – два фунта на пятак,
который вроде четверти полушки.

А чтоб легко управиться с людьми:
народу быть спасителем возжаждай,
сперва все то, что было, отними,
потом верни, – и счастлив будет каждый.

У каждого одна и та же роль,
рассказчик в ночь глядит осоловело,
и жалуется соляной король,
что без причины соль подешевела.

Виновники Соляного бунта Борис Морозов и Иван Милославский приходились царю Алексею Михайловичу соответственно свояком и тестем. Оба при бунте уцелели.

Тимофей Анкудинов

Попрыгун. 1654

*Хто сначала скачет,
тот напоследок плачет.*

Тимофей Анкудинов

Полюбуйтесь: удачлив, блестящ, знаменит
и владыками принят как равный,
кальвинист-протестант, мусульманин-суннит,
правоверный жидок православный.

Он сулит: возвращу золотой на алтын,
только дочку с приданым просватай.
Перед нами – Василия Шуйского сын,
Иоанн, получается, Пятый.

Короля и султана раздев догола,
он останется в прежнем почете.
Поищите второго такого козла, —
и такого козла не найдете.

Ведь когда-то, едва зазубрив алфавит,
разобравшись в цифири немножко,

три деревни, а также пруд рыбовит
лихо пропил келейник Тимошка.

А ему наплевать: меж столичных кутил
не особо и трудно-то выжить.
Но в Москве, если лапу в казну запустил,
могут оную вмиг отчекрыжить.

Как сапожник упьется купчина Миклаф,
позабудет про русские нравы,
а Тимошка, чужого коня оседлав,
как стрела долетит до Варшавы.

Если сперли коня, – не кричи караул,
с морды пьяной волосья откинув.
Будь доволен: тебя как ребенка надул
прохиндей Тимофей Анкудинов.

Польше сладко напакостить русским. Изволь,
трон полякам не отдали – нате ж:
самозванцу в Варшаве отвалит король
столько денег, что всех не потратишь.

Но подобный почет ненадежен, увы,
и Тимошка, завывши с досады,
очень близко почувствовал руку Москвы
на пиру Переяславской рады.

Ну и пусть: разломилась судьба пополам,

он – калач исключительно тертый,
он в Крыму без зазрения принял ислам
и свалил до блистательной Порты.

Если б только не страсть прохлаждаться в грязи,
процветал бы он в Порте поныне,
но почуял, что жареным пахнет вблизи
и сбежал к королеве Кристине.

Он-то думал: ничто ему там не грозит,
но наткнулся на русского дьяка,
и удрал через Ревель и Ригу в Тильзит
восхитительный жулик-вояка.

Но Миклаф, обворованный в прошлом купец,
предъявил с золотишком лукошко,
и пришел нашей сволочи знатный конец:
был Москве предоставлен Тимошка.

Приговор у суда оказался таков:
впредь негоже ловить святотатца,
разрубить его на шесть отдельных кусков
чтоб не мог никуда разбежаться.

Полагается вспомнить, что все – суета,
грязный ров оказался постелькой.
Ты записан на первой неделе Поста
после Гришки и перед Емелькой.

Окаянную жизнь не удержишь в горсти,
не доешь драгоценной ковриги,
потому как на плахе не сможет спасти
карусель перемены религий.

Тимошка Анкудинов волей судьбы оказался одним из самых известных авантюристов XVII века и одновременно одним из первых русских поэтов. Служил в московских приказах, запутался в долгах, сжег свой дом и бежал за границу. Выдавал себя за мифического сына царя Василия Шуйского. Девять лет выдавал себя в Европе за наследника русского престола, принимал то ислам, то иудаизм, то протестантизм (возможно, и католичество). Сумел некоторое время обманывать самых разных людей: от Богдана Хмельницкого и турецкого султана – до папы римского и шведской королевы Кристины. Выдан герцогом Шлезвиг-Гольштейнским, казнен в Москве четвертованием.

Князь Алексей Трубецкой

Опись казны

Патриарха Никона. 1658

Беда зиждителю новозаконных храмин!
Уместно ли душе быть ставкой на кону?
Бумагу трать дестьми, исписывай пергамен,
а все одно с собой не заберешь казну.

Что делать велено – то самое и делай,
никак не избежать оказии такой.
Как глупый кур в ощип, попался престарелый
боярин Алексей Никитич Трубецкой.

...При эдаком труде попробуй-ка, не спать-ка,
ты брошен в писари отобранной казны,
и лишь окольниковый, известный Стрешнев-дядька,
при этих описях с тобой протрет штаны.

Златая братина, лоскутье монатеино,
персицка ладона шестипудова кадь:
чье здесь имущество, хозяйско иль ничейно?
Ужели здесь хоть что возможно отыскать?

Поддоны купковы, серебряные цаты,

росолник с кровлею, шурупных шесть фигур,
объярны ферязи, хоть ветхи, да богаты,
три старых саблишки, боярский татаур.

Возглавье низано, пять долгих патрахелей,
лук добрый ядринский, в бочатах клей мездров,
котел серебряный, три фляши разных зелий,
натреснутый куяк, сто новых топоров.

тарель финифтяна, ларец отборной смирны,
единороговый в серебро оправлен рог,
ефимков пять мешков, две гривенки инбирны,
седло чернеческо, чинаровый батог,

индейска желвеца глава закаменела,
плохого ладону пять с четвертью пудов,
два кубка ложчатых на тыквенное дело,
шесть выканфаренных серебряных ендов,

часовник писменной, и ветх, и неухожен,
клабук поношенной, по черни среброткан,
шесть ножен без ножей, единый нож без ножен,
пять гривен золотых, зеньчуга достокан.

Не то чтоб оценить, – и рассмотреть-то тяжко
все, что накоплено за несколько веков, —
лишь за пером перо мочалит Дуров Сашка,
записывая всю диктовку стариков.

Какой бы справился с таким трудом кудесник?
Но пустит в оборот, тебе благодаря,
всю здешнюю казну твой долгожданный крестник,
грядущий мальчик Петр, последний сын царя.

...Ну да, и вот еще – серепетинна иготь,
да мыла грецкого четырнадцать кусков...
Пергамены тащи: пора работу двигать
и чистить каждую строку черновиков.

В июле 1658 года патриарх Никон в качестве протеста оставил Москву: не отказавшись от Московской кафедры, он удалился в Воскресенский Новоиерусалимский монастырь, который сам основал в 1656 году и имел в своей личной собственности. Опись оставленной им в Москве казны была поручена упомянутым выше лицам.

Никита Давыдов

Царское зерсало. 1662

Вишневы́й кармазин пошел на однорядку,
камчатны ферьязи добавил государь:
подобной милости не спрячешь за подкладку,
зане подкладки нет, сколь под полой ни шарь.

Но не возропщет он на ту беду пустячну,
он мастер, он царем весь долгий век любим:
и шапку для него он сладит саадачну,
пусть ей завидуют что Мишка, что Любим.

В державе не сыскать подобного талану;
жаль, дети не равны в искусности отцу,
поди, не молятся Косме и Дамиану,
без коих не видать удачи кузнецу.

Полвека протекло с тех пор, когда, воспрянув,
страна сподобилась означить свой закон,
и стражем при царе встал Филарет Романов,
в деснице меч держа, а в шуйце – Типикон.

Убит Траханиот и на кол сел Заруцкой:
аники-воины, короче говоря:
не шапка ложчата, а дрянь черноклобуцка

уместна недругам московского царя.

Но топчутся в Кремле работнички бесстыжи,
что в разум не берут – где меч, где долото.
Искусство мастера спаси, архистратиге,
сколь Гришка ни хорош, а все одно не то.

Сей, верности царю нимало не наруша,
стволы умеет лить, – по совести, дотоль
такие дельвал, поди, один Первуша, —
пищаль да карабин, фузея да пистоль.

Но как зачнет шелом, – то тратит силы вскую,
и каждый щит его похож на плоский корж;
он только губит кость бесценную морскую,
какую нам дает ужасна рыба морж.

Вот так и помирать, тайн ремесла не выдав, —
к ним быдлу всякому вовеки нет пути.
У белого царя всего один Давыдов,
чей ерихонский шлем вовек не превзойти.

Давно за семьдесят, пора б уйти от горна,
да только б никому в его судьбу не лезть:
с зерсалом для царя он возится покорно,
не веря, что ему в стране замена есть.

...Смотреть в грядущее тому, кто молод – вредно,
ну, а тому, кто стар – так вовсе смысла нет;

и лишь дивится тот, кто пропадет бесследно,
тому, кто все-таки сумел оставить след.

На стогнах корчится пророчащий глашатай,
четыре лошади таращатся в зарю,
и смерть из темноты грозит косою щербатой,
и ясно, что она завидует царю.

Но рвешься заглянуть в последние мгновенья
в те пропасти, где нет ни солнца, ни дождя,
где нитью тянутся годов стальные звенья,
рождаясь в вечности, – и в вечность уходя.

Никита Давыдов – оружейный мастер, «отец русского оружейного дела». Работал при дворе первых двух царей Романовых, до 1662 года – первый государев мастер. Упомянуты также Первуша Исаев (ранний мастер фузей и пистолей) и Григорий Вяткин – преемник Давыдова.

Григорий Котошихин

Стокгольмский скелет. 1667

О царех, о царицах, о доме княжом,
об околничих, дьяках и думных дворянех,
и о том, как решают дела правежом,
как стреляют из лука и парятся в банях.

Об Иване Четвертом, ужасном царе,
и о том, как народ присягает престолу,
и о том, как возводятся очи горе,
и о том, как они опускаются долу.

О конюшенном, хлебенном, прочих дворех,
о запрете к царю челобитной подачи,
и который, и как наказуется грех,
и который карается всех наипаче.

И о том, как посеять, пожать, помолоть,
о голодных годах и боярских застольях,
о сибирской казне, что несут ежегодно,
о тяжелых медведнах и шубах собольих.

О приказе земском, о дворе кормовом,
обо всяком юродивом, нищем и хвором,
и которым возможно гордиться родством,

и нельзя поминать о родстве о котором.

О попах, о помещиках и крепостных,
об игуменьях, схимницах, старицах, вдовах,
о Пожарских, Морозовых и Репниных
о Лобановых, Пушкиных, Сукиных, Львовых.

О селеньях ногайцев, калмыков, мордвы,
о мечях, о рогатинах, шлемах, подковах
и о силе и слабости войска Москвы,
о рязанских полках и полках понизовых.

О стадах, о садах, о медах в погребах,
об амбарах, гусярах, боярах, пожарах,
о хлебах, о рабах, о гробах, ястребах,
солеварах, товарах, базарах, татарах.

И о том, как устроен обряд похорон,
и особо о том, чем в стране недовольны,
обо всех, кто желает наследовать трон,
обо всем, что полезно для града Стекольны.

...По сто далеров в год запросив за труды,
позабыл про детишек и будущих внуков,
и бежал через Польшу от близкой беды,
и с насмешкой смотрел ему вслед Долгоруков.

Чтобы как-то найти через море пути,
чтобы где-нибудь в Нарве дожждаться парома,

чтобы год на пергаментный труд извести
и на шашни с женою хозяина дома.

Чтоб сверкнул и ударил короткий стилет,
чтоб на плахе размыкать последнее горе,
чтобы встал в кабинете учебный скелет,
потерявший печальное имя Григорий.

Последний год жизни бывший подьячий посольского приказа и одновременно бывший платный шведский агент Григорий Котошихин провел в качестве русского переводчика в Стокгольме. Очевидно, по поручению начальства создал подробный отчет об устройстве и обычаях русского государства. 25 августа 1667 года в пьяной драке убил хозяина дома, в котором жил, за что и был обезглавлен. Тело его было доставлено в анатомический театр, где при помощи проволоки его превратили в учебный скелет.

Гетман Петро Суховий Ашпат-Мурза. 1669

Не каждый сможет в печь отправить образа,
не каждый мудростью сравним с эдемским змием.
Объявлен гетманом в Крыму Ашпат-Мурза,
в Полтаве звавшийся Петрушкой Суховием.

Не то, чтоб писарю давалась жизнь легко;
зато легенда есть, – хотя верна едва ли, —
что именно тебе соратники Сирко
то самое письмо султану диктовали.

Не разделишь порой хулы и похвалы, —
кто выбрал гетмана, – не выберет судьбины;
к тому же не похож на лук и две стрелы
твой полукруглый серп и тощих две дубины.

Взлетают над страной бунчужные хвосты,
и Крым твердит, слова умело подбирая,
что ты, мол, вежествен и всех разумней ты,
кто был присылан к вратам Бахчисарая!

Порой забавен ход насмешливых веков,
и писарю побыть неплохо вышибалой.
На рынках у татар есть спрос на казаков,

но спрос и на татар у казаков немалый.

Поляки, москали, – у всех наточен меч,
что хуже – нехристи иль цадики пархаты?
Поди пойми куда сегодня лучше бечь,
уж если бечь нельзя до бабы и до хаты.

Паны передрались под громкий треск чуприн,
но чуть не четверти казачества желанен
стал, за Черкасами занявший Чигирин,
тот самый Суховий, тот гетман-мусульманин.

Но настает всему урочная пора,
светило не взошло, – да было ли светило?
Был гетманом Петро, – и вот уж нет Петра,
похоже, что ему харизмы не хватило.

Сколь ни обертывай теперь башку чалмой,
ни в чем не убедишь казачества лихого.
...Что в Крым откочевал – так, стало быть, домой,
что перешел в ислам, – а в этом что плохого?

Ну, словом, брысь к себе, боец Ашпат-Мурза,
над жалкой участью твоей не торжествую:
поскольку тот, кому выносят гарбуза,
обязан уважать культуру бахчевую.

После убийства Брюховецкого запорожцы, не желая при-

соединяться к гетману Дорошенко, вернулись в Запорожскую сечь и послали от себя к крымскому хану нескольких посланников. Хан очень обрадовался приходу запорожцев, принял их очень приветливо и, узнав, что они разошлись с Дорошенко, посоветовал им избрать своего гетмана и в самом Запорожье. Сначала желающего на этот пост долго не было, но потом высказал согласие бывший писарь Войска Запорожского, молодой двадцатилетний, но «умелый и ученый человек», Петро Суховий или Суховиенко. Суховий придумал себе печать, похожую на печать крымского хана, – лук и две стрелы, – и стал именовать себя гетманом Войска Запорожского, а так же написал письмо Дорошенко, называя себя гетманом ханского величества и приказывая Дорошенко не называть себя больше Запорожским гетманом.

В Запорожье к Суховиенко присоединилась одна часть войска – 6 тысяч казаков; тем временем другая часть признала гетманом Дорошенко и призвала его на левый берег Днепра для Черной Рады, обещая поломать стрелы Суховия своими мушкетами.

Но Суховий не отказался от идеи стать общепризнанным гетманом Запорожской сечи и написал хану письмо от имени «всего войска запорожского», после чего вместе с посольством от Запорожского коша отправился в Крым. Хан принял Суховия очень милостиво и приветливо, одобрил его планы и написал в Запорожье, что казаки никогда не присылали посольством таких мудрых людей, а потому просил и

впредь присылать таких «умелых», как Суховий. <...>

Но недолго запорожцы и Сирко стояли за Суховием, еще совсем недавно, будучи на его стороне, они позже перешли на сторону Дорошенко. Тогда Суховий пошел к татарам, с которыми он так сблизился, что через время принял ислам и взял себе имя Шамай, или Ашпат-Мурза.

Соколиная охота

1670

Сей гибельный раздрай почто на нас накликаан?
Двоперстью ли грозить предписанной щепоти?
...Никиту Минина, известного как Никон,
прибрала бы судьба, чтоб не мешал охоте.

Три челобитные прислал, не взял посуду,
не по нутру ему царь Алексей Михалыч.
Мол, вовсе не ходи с охотой на аркуду,
мол, отложи кибить да брось на свалку налуч.

Забава кречатья зело доброутешна,
глянь, приснул дикомыт и мчит на шилохвостей!
А мних опять твердит, что власть царя кромешна,
сидит в монастыре и весь кипит от злости.

Друг прежний, сббинный, ты шел бы на попятный!
Молился б лучше ты, иль врачевал болезни,
коль убедил себя, что, мол, равно отвратны
аргиши, сиверги, томары или срезни.

Ты, старый, на жидов идешь войной хоробро,
как совесть, горестно пророчишь и бормочешь,
глядишь вослед царю и щуришься недобро,

на перестрел-другой подвинуться не хочешь.

Забуть бы о тебе или послать удавку,
иль лучше в Пустозёрск отправить, на задворки,
покуда балабан еще не сделал ставку,
взыскуя селезня, а лучше бы тетерки.

Отрадны холода, да только слишком близки,
веселье царское кончается, как книга,
охота хороша, да только сохнут прыски,
и в оных больше нет добычи для челига.

Гроза на монастырь надвинулась остатне,
невидимо вокруг кипят смола и сера,
которыми грозит царевой соколятне
свистящею стрелой расколота вера.

Пусть обвинения жестоки и взаимны,
но им отмерен век, до странности недлинный:
лишь тропари гремят, и слышатся прокимны,
и память вечная охоте соколиной.

И зѣло потѣха сія полевая утѣшаетъ сердца печальныя,
и забавляетъ веселіемъ радостнымъ, и веселитъ охотниковъ
сія птичья добыча. Безмѣрна славна и хвальна кречатья до-
быча. Удивительна же и утѣшительна и челига кречатья до-
быча. Угодительна же и потѣшна дермлиговая переласка и

добыча. Красносмотрительно же и радостно высокова сокола летъ. Премудро же челига соколя добыча и летъ. Добровидна же и копцова добыча и летъ. По сих же доброутѣшна и привѣтлива правленыхъ ястребовъ и челиговъ ястребыхъ ловля; к водам рыщеніе, ко птицамъ же доступаніе. Начало же добычи и всякой ловле – разсужденія охотникова временамъ и порамъ, раздѣленіе же птицамъ в добычахъ. Достоверному же охотнику нѣсть в добыче и в ловле разсужденія временамъ и порамъ: всегда время и погодье в поле.

«Книга, глаголемая Урядник: новое положение и устройство сокольничьего пути».

О пристрастии царя Алексея Михайловича к соколиной охоте говорит «Книга, глаголемая Урядник: новое положение и устройство сокольничьего пути». Она была написана в 1656 году по указанию царя и при его ближайшем участии. <...>

Через десять лет с патриарха Никона был снят патриарший сан. Местом его ссылки назначили Ферапонтов монастырь на Белоозере. <...> Из Кириллова монастыря Никону присланы по другой его «рописи» необходимые для его келейного обихода вещи: «А в росписи ево написано. Надобно ему, Никону, в келью котел медной ведра в полтора луженой, воронка медная же в полведра, яндова мединая в полведра же...» <...> но он, как писал С. Наумов, все отослал назад «неведомо для чево». Ссылка длилась до самой смерти ца-

ря. Почти все, что присылал ему царь, Никон, некогда «собинный» его друг, отказывался принимать, говоря: «Вперед еще мало потерплю, а если по договору ко мне государственной милости не будет, то я по прежнему ничего государева принимать не стану и перед Богом стану плакать и говорить те же слова, что прежде говорил с клятвою».

Парфений Тоболин Сокольник. 1670

Сокольник, ястребник, подлазчик да подлёдчик,
как «Отче наш» усвой, что ныне говорю, —
привыкни зверя гнать среди болот и кочек
и в поле выставить, и выстрел дать царю.

Бояре, и князья, и отроки, и гридни
съезжаются на лов в охотничьем пылу;
чем яростнее зверь, и чем он страховидней,
тем более царю пригоден под стрелу.

Ни в пущах, ни в лугах добыча не иссякнет,
приучен царский двор к охоте верховой,
а если сокол твой в полете утю мякнет,
горлатну шапку жди за подвиг таковой.

Владыка – человек, и не лишен привычек,
но не исчезь забот, что на царе висят.
По сорок кречетов пером несет помытчик,
да не хватило бы и дважды шестьдесят!

Господь оборони внимание ослабить,
не только соколу потребен острый глаз,
статейничий следит, чтоб не мешали вабить,

челиг вынашивать обязан всякий час.

Борзятню уважай, выжлятнею не гребуй,
обязан быти псарь с собаками хорош,
уменью вящему ты уваженья требуй,
когда медведицу осочивать идешь.

Да, медеянский пес – владыке дар хороший,
особо, если тот не старше двух годов.
Боярин бьет челом и знатной сукой лошьюей,
добавя зуб морской на несколько пудов.

Прощайся, лисовин, с роскошной шубой лисьей!
Зверье укывлять напрасно тщится в дебрь,
за тридевять ворон беги от хищной рыси
и не ходи туда, где спит косматый зебрь.

«Бобра в России нет», – писал голландец некий,
отвадить мя купцов от нашего добра, —
«чтоб полевать могли царевы человеки,
везут из Гамбурга достойного бобра».

Тот немец знатно врет, мол, им добыта шкура,
дан все-таки язык на что-то богачу,
на то ответь ему, что хаживал на тура, —
проверить некому, а я не уличу.

...Однако новый век неумолимо жёсток,
ничто не ладится, страны печален вид,

а новый государь, еще почти подросток,
сравняться с прадедом охотой норовит.

Царь собирается на Тульскую охоту,
садится на коня, прощается с Москвой,
но вскорости придет пора платить по счету,
и оспа, и зима, и камень гробовой.

И позади мѣста урежаеть потсокольничей, и велить поставити столъ и покрыть ковром, и с начальными сокольниками на столъ кладеть и урежаеть наряды птичьи нововыборного и нововыбранного нарядъ. И уставляетъ птицы нововыбранного около стола в рядовомъ наряде. А держатъ ихъ всѣхъ статей рядовые сокольники 2-е по росписи: I статьи, Парфенья Яковлева, сына Таболина<...>

«Книга, глаголемая Урядник: новое положение и устроение сокольничьего пути».

Царь Алексей Михайлович пишет: «Ходили мы тешиться с челигами, а с кречеты посылали в Тверские поля сокольников, Парфения Тоболина с товарищи, и в Тверских полях Парфеньевы статьи кречет Нечай добыл коршака...»

Самое первое упоминание о деревне, находившейся рядом с погостом Николо-Гнилуши, и носившей название Хомьяново, относятся к середине XVI века. В писцовых книгах Московского государства 1577 года говорится так: «за Ма-

рьей Крымовой женой Тоболина, вотчина д. Хомьяново, в устье р. Сетовки». По приправочным книгам 1578 года деревня числилась, как старая вотчина Тоболиных. <...> Через сто лет деревня Хомьяново продолжала оставаться во владении Тоболиных. В 1670 году ею владел Парфений Яковлевич Тоболин.

...9 ноября 1729. Его Царское величество возвратился сюда с охоты в полном здравии. Он очень высок и силен для своих лет. <...>.

12 января 1730 г. С прошлого четверга Его Царское величество заболел и опасаются, как бы у него не открылась оспа. Ходят даже слухи, будто она уже и обозначилась.

Москва, 19 января 1730 г.

<...> Позвольте уведомить ваше превосходительство, что Его Царское величество скончался 8 января между двенадцатью и часом утра.

Томас Уорд

Князь Юрий Барятинский Бог войны. 1671

Не был мягок особо и не был жесток,
но по жизни носим, будто ветром полова,
то на юг до Олешни, а то на восток,
то на север, до самого города Шклова.

Не тревожил Москву никакой хохлован,
но отправили князя прищучить холопа,
ибо рыпаться начал предатель Иван,
славозвисный Выговский, герой Конотопа.

Впрочем, этот убрался от Киева геть,
но войною на Киев полез голоштанник,
Костянтин, горе-гетман, сплошная камедь:
то ли брат, то ли уйчич, а может, племянник.

Это был и не то чтобы полный кретин,
но никак не годился на роль воеводы,
так что шустро от князя сбежал Костянтин,
побросав буздыган и другие клейноды.

Но случился под Чудновым полный звездец,
улыбнулась фортуна предателям-братцам.
Приказал Шереметьев, не лучший боец,

вскинуть лапки и Киев оставить поляцам.

Князь ответил: «Я сам разберусь в старшинстве, никому не давать бы подобных советов. Я царю присягал, ну, а царь на Москве: я не вижу в упор никаких Шереметов!»

Обе стороны льют на противника грязь: не убивши гадюку, а разве что ранив, в перспективе выходит, что попросту князь недостаточно скальпов содрал с хохлованив.

Ну, с поляками ясно, с хохлами – почти; все подробности тут приводить не рискую, только князю пришлось по кривому пути снаряжаться опять на толпу воровскую.

Бивший гетманов разных и всяких Сапег, князь опять оказался в бою безотказен: был из Разина, видно, поганый стратег, и продул, все что мог, незадачливый Разин.

Только службы, не более, требует царь. На хоругвях победу московскую выткав, князь недолго возился со скопищем харь, и всего за полгода добил недобитков.

Слава быстро проходит, судьба такова: в палачи попадешь, изловив горлопана;

в Оружейной палате лежит булава,
и куда-то засунули череп Степана.

Обреченный чинить раздираемый строй,
полководец, заступник и божий ходатай, —
удалился в века неудобный герой,
из российских анналов бездарно изъятый.

Безразличие истину тянет ко дну,
справедливости нет, хоть признаться и тяжело, —
от того, кто спасал эту дуру-страну,
не желает отстать клевета-невалышка.

Юрий Крижанич в Тобольске 1672

Кто в былое стреляет из малой пистолы,
на того из грядущего смотрит пищаль.
Ты на хвост не насыплешь минувшему соли,
глядя в прошлое, острые зубы не скаль.

Царь меняет к обеду за ферязью ферязь,
остывает пирог, выдыхается хмель,
а Крижанич, в Тобольск упеченный за ересь,
рассуждает о воинствах русских земель.

Спит Европа, беды на себе не изведав,
не боясь самопалов, мортир и фузей,
хоть противиться даже войскам самоедов
не сумели бы ратники прусских князей.

Описания медленным движутся ходом,
не спешит никого осуждать униат, —
не любое оружие годится народам,
но потребны дамаск, аль-фаранд и булат.

Вот на них-то и ставят в боях государи,
сколь ни дорого, но покупай, не мудри,
будет поздно, боец, вспоминать о кончаре,

в час, когда над тобой засвистят кибири.

О штанах и о шапках заботиться надо,
и о множестве самых различных одеж —
ибо мало бойцов погибает от голода,
но от хлада любой пропадет ни за грош.

Познаются уроки на собственной шкуре,
ключ грядущих удач не лежит в сундуке.
...Пишет книгу свою рассудительный Юрий
на понятном ему одному языке.

Бедолагам всегда не хватает обола,
и уж вовсе не стоит пускаться в бега, —
крепко узника держат низовья Тобола,
снеговые луга и глухая тайга.

Только в ссылке и можно работать в охотку,
сочинять, суеты избегая мирской,
там не надо садиться в харонову лодку,
что плывет в океан ледяною рекой.

Потерпи, и однажды помрет истязатель,
семь с полтиной – не больно-то страшный удел,
где была бы Россия, когда бы писатель
не скитался по ссылкам, в тюрьме не сидел?

Что за странная нота звучит, как звучала,
что за долгие ночи и краткие дни?

Может, вовсе и нет ни конца, ни начала?

Может, только и есть, что одни лишь они?

Царица Наталья

1672

Весь очеканен узором затейным,
в горницу плавно плывущий сосуд,
блюдо капусты великим говейном
слуги великой царице несут.

Ныне к еде не положено соли,
квасу нельзя, а не то что вина,
и причитается миска, не боле,
каши, что сварена из толокна.

Квашено чем-то моченое что-то,
кушай, царица, молитву прочтя.
В страхе – в ознобе, и, взмокнув от пота, —
слуги твои уповают на тя.

Повар, да что ж ты наделал, каналья,
вызвал на головы нам молонью:
не пожелает царица Наталья
есть непотребную кашу сию!

Шепчутся знатные вдовы умилно,
и состраданья полны, и любви:
ну, тяжела ты, Наталья Кирилна,

матушка, только царя не гневи!

Это великое благо, послушай,
то, что постимся мы в зимние дни, —
скушай, царица, хоть что-нибудь скушай,
гнев от холопов своих отжени!

«Нет уж, в подробностях всё растемяшу,
рано пока рассуждать про тюрьму,
только за эту поганую кашу
вас непременно я к ногтю возьму.

Вспомню и трусов, и жмотов, и скаред,
вся-то заходит страна ходуном,
кашу еще не такую заварит
мальчик, рожденный в дворце Теремном!..»

Атаман Иван Сирко

Характерник. 1680

От крестин до венца и до смертного ложа
то ли вечность, а то и не так далеко.
Из картины торчит длинноурая рожа:
полюбуйтесь, враги, на Ивана Сирко.

Он – то ссыльный полковник, то грозный соперник,
он – то мальчик зубастый, то страшный кулак,
знаменитый воитель, казак-характерник,
победитель татар, атаман-волколак.

Не возьмешь ты его ни тишком, ни нахрапом,
не готовь ему камеру в черной тюрьме,
не услужник полякам, тем боле – кацапам,
но всегда неизменно себе на уме.

Он от вечного боя не ждет передыху,
он живет на коне, – лишь копыта стучат.
Он жену охраняет, как серый волчиху,
и детей бережет, будто малых волчат.

Потому умирать и не хочет вояка,
что еще не добит окаянный осман.
Может, кто тяготится судьбой волколака,

но доволен такую судьбой атаман.

Истребленья волков не допустит Всевышний,
приказавший татарское горло разгрызть.
Пусть в Сибири бессильно гниет Многогришный,
но потомков спасет атаманова кисть.

Поражений не знавший за годы скитанья,
кошевой янычарам – что шкуре клеймо;
так пускай обчитается сволочь султання
матюгами и прочим, что впишут в письмо.

Пусть поселится ужас в нахлынувших ордах,
чертомлыцкое войско пойдет вперекор,
чтобы выли полки янычар плоскомордых,
убираясь в пустыню к себе за Босфор.

Обозначено место, и вытянут жребий,
на потомков своих справедливо сердит,
сей герой, вознесенный над стадом отребий,
скаля зубы, как волк, разъяренно глядит.

Скалит зубы на силы татарского юга,
тяжело содрогается вражеский стан,
на который взирает с Великого Луга
знаменитый Сирко, православный шайтан.

Патриарх Никон Которость. Толгский монастырь. 1681

Много ль схимнику надо?.. Говей не говей, —
всё равно не отменишь последнего часа.
Потихоньку подкрался *Михей-тиховей*,
пождать отказавшись до третьего спаса.

Что-то больно уж много веселья вокруг,
что-то больно уж тяжело плывет домовина.
Это – Которость, это спускается струг,
чтоб по Волге доставить в столицу мордвина.

Он сегодня последнюю встретил зарю,
и последнюю нынче додумает думу,
и всего-то полгода осталось царю,
и всего-то полгода еще – Аввакуму.

Светел день, но отходную время прочесть:
для того и распахнута вечная Книга.
Человеку исполнилось семьдесят шесть,
и псалом утверждает торжественность мига.

А в Москве-то в Кремле растревожился двор,

а в Москве-то дрожат по углам доброхоты,
а в Москве-то готовится земский собор,
и сплошные о воинстве русском заботы.

...В Цареграде с султаном торгуется дьяк,
бедолага: поди, помирает от страха,
а Господь наказал тех султанских бродяг,
что свели патриарха в простого монаха.

Ну же, Господи, ну, поскорее ударь!
Слишком мало в державе осталось святого,
и совсем уж становится слаб государь,
и династия вовсе угаснуть готова.

Отступает душа в непросветную тьму,
и судьбы таковой не бывает мизерней.
День почти отошел, и вдали потому
в Ярославле уже зазвонили к вечерне.

На темнеющий запад плывут облака
над расколотой надвое плоской страной,
но не в Лету сегодня впадает река,
а напротив, – неспешно впадает в Эвную.

Холодеет усталое сердце в груди,
и стирается грань между тайным и явным,
завершается жизнь, и теперь впереди
лишь забвеньё о мелком, лишь память о главном.

...И августа 16 дня порану достигшимъ имъ монастыря Пресвятыя Богородицы, иже есть ва Толгѣ шесть поприщъ имуще отъ града Ярославля, за полпоприща же монастыря того и тутъ Блаженный повелѣ пристати ко берегу, понеже бо отъ скорби вельми изнемогая, и причастися тутъ святыхъ и Пречистыхъ Тѣла и Крови Христовы запасныхъ Великаго четвертка Тайнъ отъ руки своего Духовнаго Отца Архимандрита Никиты Кириллова монастыря. <...>

Вечернему убо часу приспѣвшу, егда же во градѣ начата къ вечернему пѣнію благовѣстити, нача Блаженный Никонъ конечнѣ изнемогати и озираюся, яко бы видя нѣкихъ пришедшихъ къ нему, такожь своима рукама лице и власы и брану и одежду со опасеніемъ опрятovati, яко бы въ путь готовился; Архимандритъ же Никита и братія и присланный діякъ видя Блаженнаго конечнѣ дышающа, начата исходное послѣдованіе надъ вими пѣти. Блаженный же возлегъ на уготованномъ одрѣ, давъ благословеніе своимъ ученикамъ, руцѣ къ персемъ пригнувъ, со всякимъ благоговѣніемъ п въ добромъ исповѣданіи, благодаря Бога о всемъ, яко во страданіи теченіе свое соверши, съ миромъ успе, душу свою въ рунѣ Богу предаде, Егоже возлюби. Отъ житія сего отъиде въ вѣчное блаженство въ настоящее лѣто отъ созданіи мира 7189 (1681 г.) мѣсяца августа въ 17 день.

Иподиакон Иоанн Шушерин

Несколько слов о реке Эвное – реке памяти. Насколько я знаю, сведений об этой реке в трудах античных авторов, включая Вергилия, до нас не дошло. Однако она появляется у Данте. Не исключено, что Эвною Данте почерпнул из источников, до нас не дошедших. Конечно, возможно, что он ее придумал, но есть косвенные факторы за то, что такая река всё-таки была. Известна склонность человечества к антиподам: если есть река забвения, Лета, то должна быть и река памяти – Эвная.

Гиви Чрелашвили

Алексей Лодьма Стрелец Пустозёрск. 1682

Лихо годы летят, как собачьи упряжки,
посмотри за воротца, далёко ль отсель
нынче безымень бродит того Никиташки,
и того, кто умрет через пару недель.

Огорчений немного и мыслей негусто,
лишь плывет от кострища недавнего дым.
Пустозёрское место содеялось пусто,
хоть и ясно, что сделалось местом святым.

Враг, поди, богомолен, и тоже распятем
осенен, потому-то и чует беду, —
это надо же быть под которым проклятьем,
чтобы ранее смерти скитаться в аду?

Вот и ползает пусть от погоста к погосту,
даже летом пускай остается во тьме, —
ведь анафему пастырь занес на берёсту,
потому как не всем разживеешься в тюрьме.

Нешто жалко, что нет воздаянья поступку,
но бессмертие жизнью оплачено всей,
потому как муку и овсяную крупку

из Мезени возил ты сюда, Алексей.

Что за сила сыскалась в тебе, в христолюбие,
и такое сознание святой правоты?

Быть бы пятым тебе в полыхающем срубе,
если с этим гостинцем попался бы ты.

Только верному псу и не надобно порска,
он летит и не ведаёт прочих затей, —
а на небе пылаёт костёр Пустозёрска,
указуя дорогу к спасенью детей.

Нынче сердце стрелою пробито навывлет,
только горестей дольних незримы следы;
сколь ни пыжься Москва, всё одно не осилит
по весне зарубившей печорской воды.

А вода и сама как придёт, так отыдет:
у людишек не жизнь, а одна колгота.
Это что же за власть, что себя же не видит,
и творит из пустыни святые места?

Горе горькое радости служит причиной,
и, сияя для всех от печорской страны,
над землею висит негасимой лучиной
пустозёрский пылающий куст купины.

Стрелец Лодьма, как удаётся выяснить, это тот самый брат

Алексей, в доме которого до «казни» 1670 г. встречались по ночам пустозерские узники. Из еще одного документа Новгородского приказа мы узнаем, что имя пустозерского стрельца Лодьмы было Алексей. Благодаря этому проясняется контекст письма дьякона Федора к семье Аввакума, письма, по которому и известно давно о пустозерце Алексее и его доме. Федор благодарит Марковну за «запасец» («крупки овсяные и яшные»), который она прислала с неким Лодьмой ему и протопопу Аввакуму, и продолжает: «Мы з батюшкой ис темницы нощию... вышли к брату Алексею в дом и тут побеседовали... и запасу мне отец половину отделил – крупы и муки». Становится ясно, что Лодьма и брат Алексей – одно лицо и что привезенную крупу с мукой делили в его доме. Несколькими строками ниже дьякон просит Марковну «всякую посылку» для них присылать к Лодьме.

Петр Хмелев. Албазинский острог Треклятая челюсть. 1690

На стяге третий век парит двуглавый кочет,
и в небо не глядит страна,
немотствует она и вспоминать не хочет
про темный день Албазина.

Торжественный дракон, великий соглядатай,
волной тяжелой грохоча,
внимательно следит, как бьет маньчжур косатый
российского бородача.

Одумайся, казак, одумайся, ламоза,
ужели супостат еси,
серьезная ли ты, подумай сам, угроза,
войскам бессмертного Канси?

Ужели не поймешь, что очутишься к лету
рабом маньчжурских образин?
Ужели защитит дерзаешь крепость эту,
острог убогий, Албазин?

С правобережья враг поглядывает хмуро,
а ну, казак, давай лытай,
притом проваливай не только что с Амура:

вали в Россию за Алтай!

Здесь ни к чему скрижаль российского закона,
китайцы знают испокон
историю о том, как Белого Дракона
здесь Черный одолел Дракон.

Где сланец, где порфир, где взгорье, где низина, —
война за каждый клочок земли.
Полсотни казаков в Пекин из Албазина
с собой маньчжуры увели.

И вырваться домой не чая и не смея,
не в плен попавши, а впросак,
в треклятой челюсти пылающего змея
сибирский станет жить казак.

Глядишь в минувшее, — да и не вяжешь лыка.
В грядущем — не видать ни зги.
Теперь женись, казак, теперь из Ханбалыка
и шагу сделать не моги.

Пройдет и год, и два, а там и пять, и десять,
но оставайся начеку:
на родине тебя согласны лишь повесить,
притом на первом же суку.

...Во тьму уходит даль, речная и лесная,
судьба стирает имена,

и с запада плывет, бывшее пеленая,
шекспировская тишина.

Кончается рассказ, противится натура,
но в кратких строчках сберегу
непрожитую жизнь на берегу Амура
и смерть на том же берегу.

...И ныне я, холоп ваш, будучи в такой треклятой челю-
сти, молю всещедрого Бога и вашего государевского жалова-
нья я, холоп ваш, к себе, чтоб освобождену быти ис такие
мне, холопу вашему, погибели.

Петр Хмелев

История албазинцев и письма Петра Хмелева хорошо из-
вестна. Интересно, что один из русских послов на обраще-
ние албазинцев с просьбой вывезти их в Россию ответил им
примерно следующее: «Вас следовало бы вывезти в Россию
для того, чтобы повесить».

Стольник Петр Толстой

Мальта. 1698

Море синее – *под*, небо синее – *над*.
Здесь такая жара, что не видишь чудес ты.
Здесь июля конец, и один *лимонат*
позволяет не сдохнуть во время сиесты.

Гордых рыцарей тут – что в подвале крысят,
не исчезь ни одних, ни других среди ночи.
До *Барбарии* тут лиг, поди, пятьдесят,
а в *Цицилию* плыть – так еще и короче.

Слишком много российскому пищи уму,
и непросто ползти сквозь кипящее лето,
полагая, что *Малта* – названье тому,
что на Мальте всегда называлось *Валлетта*.

Нет сомненья, что остров велик лепотой,
пусть в Россию охота уже до зареза.
Но приказа царя не нарушит Толстой
и живет на заезжем дворе «Долорезо».

Приглашает великий магистр ко двору,
и прием велелепен зело и торжествен,
и к обеду зовут, несмотря на жару,

а обед и богат и весьма многоествен.

В тот собор, где хранятся частицы мощей,
без магистра, глядишь, не пустили и близко б,
между тем созерцанья предивных вещей
удостоил Толстого латинский епископ.

Может, хуже – замерзнуть в сибирской тайге,
но одобрит ли царь, если будет зажарен,
а точнее сказать, – испечен в очаге
государев посланник, российский боярин?

Все, кто числят отчизной ту жаркую печь,
прилежат католической вере единой.
Там у быдла в устах тарабарская речь,
а монаси беседуют только латиной.

Примечателен крест на мальтийском гербе,
и большое на острове том любочестье,
и хорош этот край, но не сам себе:
поместил его Бог на неправильном месте.

Был достоин бы самых великих похвал
этот остров, приют благодати огромной,
если б он, не тревожим ничем, почивал
под Калугой, Рязанью, Мологой, Коломной.

Удивительна этого града краса,
но куда бы утешнее русскому вкусу,

чтобы крепости сей водвориться в леса
под Елец, или Брянск, или Старую Руссу.

Чтоб на рыцарей дивный сошел угомон,
и являл бы тот остров благую картину,
а у нас бы росли апельсин и лимон,
и чтоб жители *Малты* забыли латину.

Но дорога в грядущее снова темна,
но вокруг континента довольно вертеться,
и уже за кормою почти не видна
столь приятная сердцу морская фортеца.

Интересная деталь: Петр Андреевич Толстой приходился прапрапрадедом и А. К. Толстому, и Л. Н. Толстому.

Франц Лефорт

Gavotte Macabre. 1699

Второго марта кончился табак,
смерть проплясала нечто вроде танца.
Судьба в загробный завела кабак
упившегося адмирала Франца.

Кто виноватым сроду не бывал,
тот, в общем, не обязан и молиться.
Уж лучше дать веселый карнавал,
чем тратить капитал на словолитца.

Зачем лечить, коль скоро это тиф?
Работал гробовщик куда как споро,
под сорок залпов душу отпустив
князь-папы всепьянейшего собора.

Царь, безусловно, дорожил людьми,
и боль утраты в нем не умирала.
Сынок Анри, тем паче брат Ами
отнюдь не заменяли адмирала.

Годов неполных сорока шести
не думал он, что песенка допета,
но был обязан все-таки уйти

под музыку старинного квартета.

Соратников не разглядеть в толпе,
безличье задевает за живое.

К тому же больше никаких супе́,
и смерть такая неприятна вдвое.

Зато и болтовни на столько лет,
и столько мыслей каждому умишку:
кто погребен, а кто как будто нет,
и кто украл с его могилы крышку.

С тех пор немало водки утекло,
но мертвецу во хмель войти непросто,
и адмирал гуляет тяжело
в ночной тени Введенского погоста;

Начала нет и, значит, нет конца,
уходит в никуда тропа кривая,
и призрак смотрит из окна дворца,
скотопрогонный тракт обозревая.

Самый короткий год Первое сентября. 1699

Господи, Господи! Боже ты мой!
Русь поприветствовал новою датой
год семитысячный, двести восьмой
(он же шестьсот девяносто девятый).

Кто бы представил, помимо царя,
чем на великой Руси отзовется
день разрешенной ухи из угря,
день Симеона, день Летопроводца?

День для того, чтоб солить огурцы,
чтобы под вечер поддать, отдыхая,
чтоб никуда не летели скворцы,
чтоб нагадалась погода сухая.

...Осень, опять начинается год,
номер меняйте, а святцы не троньте:
завтра – Руфина, а с ней – Феодот,
также и сын их – овчинник Мамонтий.

Следом Анфим, и еще Феоктист,
двое Вавил, а потом Афанасий,
тот, что ухой неизменно душист

щучьей, лещачьей, судачьей, карасьей.

Только все более пусто в лесу,
холод под утро все более злобен,
вот – листопад, и совсем на носу
месяц декабрь, а по-русски – ознобень.

Тяжко скрипят ветряки на ветру,
чертовы мельницы мелют скелеты.
Только плевать государю Петру
на древнерусские эти приметы.

Хватит по пьяни писать кренделя,
царствие лучше возьмем да отметим
чем-нибудь, чтоб загудела земля, —
круглым числом, то бишь новым столетьем!

Месяцы мчатся, друг друга тесня,
тысячелетняя бездна разверста
от Симеона, рябинного дня,
и до куриного дня Селиверста.

Странно, загадочно, вовсе темно,
право, такое возможно ли в мире:
месяцев быть бы двенадцать должно,
а оказалось всего-то четыре.

И вопрошает народ неспроста:
нешто такое бывало дотоле?

Праздновать можно ль рождение Христа,
ежели аспид сидит на престоле?

Год на санях проскользил к декабрю,
вот, наконец, и озноб, и простуда,
и узнавать неохота царю
что, и куда, и зачем и откуда.

Царь уступать никому не привык,
он и к пожару готов, и к потопу,
у государя особый салтык —
он загоняет Россию в Европу.

Хватит шушукаться, русский народ, —
перекрестись, поклонись и работай, —
да и запомни, что нонече год
тысяча, боже ты мой, семисотый.

Мазепа в Бендерах 1709

Дела у гетмана невероятно худы.
Не верится, сколь он бывал великолепен!
Ребром, в котором бес, и орденом Иуды,
и много чем еще отмечен путь Мазепин.

В той Варнице полно медов да винограду,
что пахнут мухами – на то роптать навищо?
Мазепа здесь живет, просравши ретираду,
и близкой смерти ждет, развесивши усища.

Зачем ему казна, с которой он удрапал?
Он держит золотой, из бочки оный вынув,
с ним что на крышу лезть, что укладаться на пол,
когда за семьдесят, – уже не до цехинов.

Соратники сидят, как куры на насесте,
горюя, что война ще даже не почата,
а гетман пыжится и потребуе мести,
турбуясь за свои тяжелые бочата.

Он шуйцей обнимал ту Мотрю, что Мария,
сто тысяч крепостных десницею облапив:
и теплилась в душе наисолодша мрия:

навидавшись в Москву, побить усих кацапив.

Страшися пуговиц, король холодной Сверье!
Коль с левой встал ноги, то все не слава богу,
коль даже у своих утратил ты доверье,
безглуздо уповать на свейску допомогу.

А королю конец: он скоро сломит шею
и в битве с турками утратит кончик носа,
под пули датские полезет он в траншею
и боле не задаст ни одного вопроса.

Проходит снизка дней безрадостных и серых,
перед грядущим страх, пересыхает в глотке;
казаки сердятся, – зачем ты, гад, в Бендерах
серебряные все распродал сковородки?

Кто поумнее, тот ховається в вертепы,
за дело гиблое бессмысленно сражаться.
Вот осень на дворе, и больше нет Мазепы,
и скоро тронутся подводы до Галаца.

История не то, что мы сегодня строим,
а то, чем мы потом историкам потрафим, —
кто через триста лет запишется героем,
не станет размышлять про несколько анафем.

И ураган, и гром, и бесконечный ливень,
народ возликовал и буйствует призывно,

апофеоз судьбы – купюра в десять гривень,
пусть это и никак не золотая гривна.

Не порти праздника, не лапай маскарада,
гордыню прибери, и скатертью дорога!
Ликует все страна, твердя, что эта зрада —
высокоякисна чудова перемога!

Игнат Некрасов

Заветы. 1710

Жизнь людская, – а что на земле мимолетней?
Сколько правил вмещает великий наказ?
Их сто семьдесят было, осталось полсотни.
Четверть тысячи лет, как не сдался Некрас.

Этим правилам внуки последуют слепо,
не на всех напасутся цари домовин,
и неважно, что сгинул предатель Мазепа,
и убит благородный Кондрат Булавин.

Эти правила кратки, понятны и строги:
все отрублено в них, будто шашкой сплеча.
По Батыевой к югу помчатся Дороге
казаки на крылах ледяных бахмача.

...Никогда не чиня умышления злого,
казакам казаки доставляют приют,
ибо Кругу приносится первое слово,
и последнее слово ему же дают.

Навсегда остается казак старовером,
кто моложе, тот слушать должен старика,
не зазорно стрелять по москальским аскерам,

но избави Господь застрелить казака.

Всей станице поближе держаться друг к другу,
не держать ни тюрьмы для своих, ни шинка,
друг за другом следить и докладывать Кругу,
уходить, если близко царева рука.

Если кто обнищает, вконец обесплодев,
да и если состарится вовсе не вдруг,
если болен, безумен кто, или юродив, —
и о том казаке позаботится Круг.

Атаман и казна подчиняются Кругу,
ну, а Круг – только Богу и только судьбе,
так что если, казаче, ты ловишь белугу,
только третью белугу оставишь себе.

...Наплодила Москва палачей и придурков,
только голос подашь, да и сразу куку.
И приходится жить казаку среди турков,
ибо некуда больше идти казаку.

Видно, жирную варит Москва чечевицу,
но не все хорошо и в турецком дому:
здесь какой-то подлец опозорил станицу,
продал пушку Игната неведемо кому.

Время лечит, подробности скрыты во мраке,
но и турку не взять казака на износ.

А в окошко глядит вместо близкой Итаки
птичье озеро, сонный и синий Майнос.

Беспредельно упрямство, да жизнь бедновата,
начинается год, и кончается год,
и проносится мимо потомков Игната
бестолковых столетий босой карагод.

Ефим Никонов

Потаенное судно. 1721

Омулевая бочка – пленительный штрих!
Проследим, неудобную тему затронув:
на российских морях много баб-Бабарих
и значительно меньше прекрасных Гвидонов.

Но зато у холопа открыта душа
нараспашку, навывлет, навывнос, навывлаз:
за сто лет до Левши подмосковный Левша
положил смастерить для царя «Наутилус».

У царя на уме Амстердам и Париж,
он и сам-то отчасти кустарь-одиночка.
Потаенный корабль для него мастеришь,
а выходит опять омулевая бочка.

Тут все та же проблема простых россиян,
собираешься шапкой побить супостата,
штурмовать собираешься остров Буян,
а выходит – не можешь доплыть до Кронштадта.

Если царь из-за моря привозит горилл,
то страна превратится грозит в обезьянник,
и неважно, какой ты корабль мастерил,

потому как получится только «Титаник».

Непрененно какая-то грянет беда,
угадать-то легко, но избавиться трудно.
Потаенные сколько ни строишь суда,
получаются лишь потаенные судна.

Будет лезть и советовать каждый ханжа,
не дадут тебе дело исполнить благое.
Для шпаклевки попросишь ты жира моржа,
но моржовое что-то получишь другое.

Царь не ждал, не гадал, но навеки задрых,
он совсем и не думал о смерти дотолле,
а толпа упомянутых баб-Бабарих
утвердилась надолго на русском престоле.

Бабариха – она из крутейших бабуль,
авантюр не желают подобные бабы,
и выходит, что лодка сказала «буль-буль»,
и поди докажи, что поплыть бы могла бы.

Расхреначат те бабы державу к хренам,
и не только к хренам, рассуждая по-русски.
Не плывет твой корабль по морям, по волнам,
а плывет он туда, где зимуют моллюски.

Тридцать третье несчастье, невзятый разбег,
осрамившийся ген и облом хромосомы,

незадачливо тонущий Ноев ковчег,
неизвестно куда злополучно несомый.

Но зато в глубине, выплывать не спеша,
отчего-то с улыбкой весьма нехорошей,
ухватясь за штурвал, торжествует Левша,
удалой капитан деревянной галоши.

1719 году безграмотный 29-летний крестьянин из подмосковного села Покровское-Рубцово Ефим Прокопьевич Никонов подал «написанную за малую мзду» челобитную на имя Петра I. В ней сообщал, что «сделает он к военному случаю на неприятелей угодное судно, которым на море в тихое время будет из снаряду забивать корабли, хоты бы десять или двадцать и для пробы тому судну учинит образец, сколько на нем будет пушек, под потерянием своего живота, ежели будет негодно». <...> В конце января 1721 года строительство судна-модели было в основном закончено, а в марте Никонов лично доложил об этом Петру I. Но испытания задержались и были проведены только поздней весной 1724 года на Неве. На площадке испытаний, кроме царя, присутствовали ответственные чиновники адмиралтейства и адмиралы. Ефим Никонов отвесил всем поклон, перекрестился и спустился в люк своего «потаенного судна». Началось погружение лодки. Неожиданно для всех, в том числе и для Никонова, лодка быстро провалилась на глубину и от удара о грунт

дала течь и стала наполняться водой. Петр I лично организовал спасение изобретателя и его судна. Веря в идею «потаенного судна» и понимая, что удачи приходят не сразу, Петр объявил всем присутствующим, чтобы изобретателю «никто конфуза в вину не ставил». <...> Уже после смерти Петра Великого, в апреле 1725 года в присутствии президента Адмиралтейств-коллегии генерал-адмирала Ф. М. Апраксина были проведены повторные испытания «потаенного судна». Трижды Ефим Никонов погружался в воды Невы, но каждый раз вынужден был всплывать на поверхность: «...пробовано-жь трижды и в воду опускаivano, но только не действовало за повреждением и течьюю воды». <...> 29 января 1728 года в Адмиралтейств-коллегии было принято решение о прекращении работ над «потаенным судном». Никонов был разжалован из мастеров в рядовые «адмиралтейские работники» и сослан в Астраханское адмиралтейство, где в это время строились корабли для Каспийской флотилии, «с прочими отправляющимися туда морскими и адмиралтейскими служителями под караулом».

Иван Посошков

Устройство многокобзовитое. 1724

Причина скудости давно известна,
она чужда для духа московита,
засим пора обследовать словесно
благоустройство многокобзовито.

Гляжу на море, пребываю в думах:
суда гостей торговых режут влагу,
но не товары уплывают в трюмах, —
а лишь сырье, в чем вижу изневагу.

Торговый гость порой зело скупенек,
глядишь, — от слез он, как от ливня, вымок:
а вот пускай не видит русских денег,
пусть не возьмет копейки на ефимок!

На их товары пусть не будет жалоб,
но, чтобы нам не ведать недостачи,
пусть иноземцы торг вели бы с палуб,
на берег не спускались бы обаче!

Найдем у нас предорогие пива,
полно медов и добрых водок тоже,
почто же вина фряжского разлива

для нас настоек дедовских дороже?

Харчи у нас дешевле ихних точно,
чего б они в России ни алкали,
однако продавать в Европу мочно
не лен да шерсть, а сукна да миткали!

Пусть иноки у нас, блюдя уставы,
на праздник и вкусят немного рыбы,
но кои же из них иной потравы
просить помимо соли возмогли бы?

Семейство тоже требует подхода,
женонеистовство переборовши,
к невесте лучше не входить три года,
абы детишки были поздоровше.

Уже дыханье слышу смерти скорой, —
противостать смогу ли злему кову?
Писанья эти пользы никоторой
не сообщат Ивану Посошкову.

Лишь добавляю к оному завету,
законов наших ведая свирепость, —
я знаю, что меня за книгу эту
посадят в Петропавловскую крепость.

Монах Неофит

Поморские ответы. 1725

Для чего государь городит огород?
Что за шорох такой в государевой свите?
Жаль, свидетель событий тем более врет,
если вовсе и нет некоторых событий.

Не поймёшь ничего, сколь в затылке ни шарь:
то ль за что наградят, то ль готовится плаха?
чуть пошел в анпираторы нынешний царь, —
к староверам прислал Неофита-монаха.

То ли будет молебен, а то ли погром,
и монах — то ль мудрец, то ли дуб стоеросов:
получить он желает, пока что добром,
сотню точных ответов на сотню вопросов.

Старопрежние злобства московских царей
отравили stomach, и слезину, и ятра —
но однако речет велеумный Андрей,
что не должно за всё порицать анпиратра.

Не вернет Соловки, не отстроит скиты,
у него в городах что ни храм, то темница, —
но и старцам зато не ломает персты,

за него через силу, но надо молиться.

Если разум владыки не полностью пуст,
обождем, чтоб исполнились Божьи обеты.
И Андрей Дионисьев, второй Златоуст,
со товарищи Питеру пишет ответы.

Коль во мраке живешь, похулишь ли зарю?
Ждет обитель, уверена в добрых известьях.
Отвезут выговецкие списки царю,
только царь отойдет, не успевши прочесть их.

Вот и порвана сеть, и упущен улов,
и сегодня узнать никому не по силе:
может, царь и не ждал опровергнутых слов,
а, напротив, хотел, чтоб его убедили?

Зря ли мудрый Андрей золотил алфавит,
благодатное слово над миром возвысив?
Ничего не добился монах Неофит,
но кому без него отвечал бы Денисьев?

Пробудился рассудок – и мигом зачах,
оборвал начинанья, молитвы и войны.
Что поймет государь в староверских речах,
и глухой, и слепой, да и просто покойный?

Если задал вопрос, – так получишь ответ,
обижайся, коль что за живое задело:

староверам уже полчетыреста лет
до российских царей – ни малейшего дела.

Но забавно забрался в историю мних!
Даже власти за это его не осудят.
Ну, а нам до него, а тем паче до них
дела не было, нет и, похоже, не будет.

Василий Корчмин

Огнемёт. 1729

Стынет морская равнина седая,
угли дотлели, не греет камин.
Возле mortarы сидит, поджидая,
пушечный мастер Василий Корчмин.

Трубка, мундир, треуголка, рубаха.
Может, потомок однажды поймет,
что это было – разбить Шлиппенбаха,
что это было – создать огнемёт?

Что за сражение, что за дорога,
что за война за чужое добро,
что за предшественник единорога,
что за каленное в печке ядро?

Что это – шведскую бить камарилью,
что за фамилия – дар корчмаря,
что в этих письмах «На остров к Василью»,
что в этой жизни в боях за царя?

В памяти перебираешь невольно
то, как дрожал, будто лист на ветру,
чудом не сдавшийся город Стекольна,

видимо, просто ненужный Петру.

Если посмотришь на все остальное, —
жизнь ускользнула всего-то затем,
чтобы в московское небо ночное
огненный взвился букет хризантем.

Немилосерден к чужому проступку,
собственной ты рисковал головой,
ибо со вкусом раскуривал трубку,
сидя на бочке на пороховой.

Это твои боевые игрушки,
но совершал ты большие дела,
глядя с иронией в дуло царь-пушки,
ибо царь-пушка стрелять не могла.

Век не хранит ни единого стона,
но, присмотревшись, легко узнаю
странную жизнь посреди флогистона,
коим пугали в эпоху твою.

Царь замесил для России опару,
и потому-то пришлось Корчмину
делать оружие с Брюсом на пару,
и уходить на любую войну.

Тут закруглюсь, а верней, пошабашу,
ибо рассказывать я не готов,

как довелось вам расхлебывать кашу
послепетровских придворных годов.

Может, я просто сегодня не в духе,
и, между нами, давай втихаря
хлопнем с тобой по стопе хреновухи
в память гидрографа и пушкаря.
В теме такой обломился бы классик.
Таёт в былом, будто дым от костра,
славный глава императорских Васек,
личный шпион государя Петра.

Барон Василий Пospелов

1730

Ничего-то плохого по жизни не сделав,
осаждаем придворными с многих сторон,
как ты все-таки выжил, Василий Пospелов,
из российского теста спеченный барон?

На светилах бывают немалые пятна,
но без пятен любое светило мертво.
Как бы это сказать про тебя деликатно,
постаравшись притом не сказать ничего?

Нынче нет на подобные вещи запрета,
так куда же ты сгинул, забросив дела,
и в котором запаснике смотришь с портрета,
для владыки фехтуя в чем мать родила?

Так что плюнем теперь на приличья любые
и запишем, душою уже не кривя:
кто не прячет от света глаза голубые, —
не обязан иметь голубые кровя!

Потому и забвенья тебе не подарим,
что века распознали твой бал-карнавал.
Ты, бывало, дуэтом певал с государем,

и душевно, Василий, ему подпевал.

Молодой, исключительно видный мужчина,
и при этом, возможно, что тот еще жук,
никогда не просил генеральского чина
двух Петров Алексеичей преданный друг.

Нипочем не встречаю в чужие раздоры,
обстоятельно чистил царю сапоги,
и, как хитрый Павлушка, не лез в прокуроры,
нарезая по жизни придворной круги.

Не судак и не лещ, но уж точно подлещик,
при царе то денщик, то скорей гардекор,
при царицах – шталмейстер и добрый помещик,
не миткаль набивной, а простой коленкор.

Превратиться не может удача в обычай,
вот на этом-то шею сломал бы смутьян.
Счастлив тот, кто доволен судьбою денщицей,
камер-юнкерством, сотней-другою крестьян.

Перевернута кем-то и где-то страница,
на которой останется несколько слов.
Как забавно, что честное имя хранится
в самом странном реестре российских орлов.

Ну, а впрочем, и в том никакого урона.
И уходит пленительный наш имярек,

унося иронический титул барона
в уносящийся прочь восемнадцатый век.

Ян Лакоста

1740

Шутит история многие шутки,
часто смешны они, часто горьки.
Если находишься в здравом рассудке,
знаешь, как славно живут дураки.

Требует разума эта работа,
не подойдет на нее сумасброд;
Так что бери в короли полиглота,
девятишкурочный странный народ.

...Перебирая шутов и болванов,
уж постарайся, дружок, не сопрей.
Много в России Петров и Иванов,
но императору нужен еврей.

Царь – собиратель редчайших исчадий,
вот и прижился слугою двора
принц африканский, король семоядей,
признанный кум государя Петра.

Любит владыка играть в игрушки,
вот и следи потому, что ни день,
чтобы сияли поверх черепушки

зубчики, а не мозги набекрень.

Эта держава – для трона подножье;
место не смеха, а страшной игры.
Медленно кружатся мельницы Божьи,
и, как ни жаль, вымирают Петры.

Вот и кривляться приходится, абы
как-то суметь соблюсти чистоту.
Правят Россией веселые бабы,
и потому не до смеха шуту.

Пусть объявляют болваном махровым,
только б не кинули в нети потом.
Много ли чести – во граде Петровом
значиться самым картавым шутом?

Старых ошибок вовек не исправишь,
жить нелегко у царей на виду.
Ежели ты от рождения картавишь,
не покупай для детей какаду.

Счастлив карман, да и честь не задета,
время и вечность сыграли вничью.
Обороняет святой Бенедетто
невероятную старость свою.

Счастливы жители горних селений.
Сбросив обноски придворных ливрей,

по небесам на шестерке оленей
мчится седой самоедский еврей.

Семьдесят пять – это, в общем, немало,
кто ни гонялся, – никто не поймал.
Точно ли ты повелитель Ямала,
и для чего тебе нужен Ямал?

Что ж, потрудились, – теперь отдыхаем.
Нынче не выдаст никто и не съест.
Так что, Лакоста, пожалуй, лехаим,
вот тебе, батюшка, истинный крест!

Карл Фридрих Иероним фон Мюнхгаузен 1744

Не оконфузиться, любезные коллеги,
о прошлом думая, куда как нелегко.
На дне у памяти хранится, как в ковчеге,
век восемнадцатый, столетье рококо.

Мы на короткий миг в былое заглянули,
и нам открылся мир в случайном пустяке:
красавец-командир в почетном карауле
оставил взор в глаза пленительной Фике.

Поручик гвардии: застрявшая карьера,
но это бы легко поправила семья.
По мысли матушки, такого офицера
возможно бы вполне определить в зятя.

При Леопольдовне он был опорой трона;
проступка не спустил он шкуре ни одной,
и вздрагивали все при имени барона —
и обер-кулинар, и мастер корфяной.

Он прослужил семь лет холодному востоку,

дрожили перед ним могучие враги, —
но он не угодил лейб-медику Лестоку,
так ни единый врач не мог лечить мозги.

Кто не надел парик, — так тот серьезно болен,
косица от беды легко обережет.

В России кони ржут, свисая с колоколен,
а палец покажи, — так и народ заржет.

...Очаровательный и благородный жулик,
рассказывал о том, как славно при луне
скакать под музыку оттаявших сосулек
на полулошади, не то полуконе.

В России так хорош сезон охоты вешней,
барон рассказывал с ответственностью всей
о том, как косточкой от съеденной черешни
однажды подстрелил пятнадцать штук гусей.

Не все настоль храбры в России офицеры,
но за рассказом тем не надо лезть в карман,
как лихо на ядре он облетал Бендеры
и у Тирасполя чехвостили мусульман.

Жаль покидать края икры и осетрины,
по воле не своей прощаться со страной,
где наступает век Фике-Екатерины,
которая ему могла бы стать женой.

Подобного тебе никто не сыщет фрукта.
Кто обвинитель здесь, защитник иль судья?
Какую можно честь еще воздать тому, кто
стал императором всемирного вранья?

Пускай историки беззубо десны щерят,
пусть сунуть требуют куда-нибудь персты, —
пусть собеседники не так уж сильно верят,
но сам-то веруй в то, что сочиняешь ты.

И, стало быть, не зря живешь ты с мыслью шалой,
от самых первых дней до гробовой доски,
что если долго врать, то мир спасет, пожалуй,
ложь во спасение от скуки и тоски.

Джакомо Казанова в России 1766

Из Митавы до Риги, а там и столица, —
такова же тропа из Парижа в Лион.
Бесконечный сюжет в бесконечности длится:
кто хитрее из нас: то ли я, то ли он?

В Петербурге угрюмы небесные своды,
так и сыплют на город дождливой трухой.
Как в Италии ждем мы хорошей погоды,
так и ждем мы в России погоды плохой.

Петербургу Москва – хуже кости в желудке,
но зато Петербург для Москвы – что змея.
На сугробах отнюдь не цветут незабудки,
и народ неумерен по части питья.

Водка – это спасенье, чтоб нос не замерз твой,
под нее и закуска идет на ура, —
ты в России с утра и до ночи обжорствуй,
и, обжорствуя, снова сиди до утра.

Тут к могильному запаху нет отвращенья,
тут нередок в продаже подержанный гроб.
Если тонет младенец во время крещенья,

тут же топит второго бестрепетный поп.

Ни на что здесь не ропщет народ-самосевок,
он природно невинен, как кажется мне.

...Отмечаю высокое качество девок
и обилие оных по малой цене.

Я в Европе рожден, и людьми не торгую,
но куда надевать нерастраченный пыл?
Тут решил я потратить гинею-другую
и девицу одну для себя прикупил.

Хороша, не скрываю, хотя безголова,
впрочем, женщине много не нужно мозгов.
Здесь дворяне играют под честное слово
и при этом спокойно не платят долгов.

Коль ответы хотите найти на вопросы, —
вспоминайте о вашем покорном слуге:
с шулерами вовек не садитесь за штоссы
и с любовницей будьте на строгой ноге.

Не поймешь, что такое в России творится:
то ли запад, а то ли дремучий восток.
Только умных и есть, что одна лишь царица,
да еще иностранцев неполный пяток.

Погулять бы разок по тебе крысолову:
мать Россия, ты больно себе на уме.

Только вы и видали, снега, Казанову, —
я уж лучше побуду в свинцовой тюрьме.

Уезжаю отсюда и путь продолжаю,
и в Варшаву въезжаю, великая Русь,
и как раз потому, что себя уважаю,
в этот край ледяной никогда не вернусь.

Готтлоб Курт Генрих Тотлебен 1773

Где священник, где молебен, черт бы всех побрал!
...Матерится нынче главный русский исполин
по фамилии Тотлебен царский генерал,
Готтлоб Генрихович славный, граф, что взял Берлин.

Мастер морду бить соседу, да и всем вокруг.
Примечайте: не столице ль нужен сей герой?
У него всегда победу рвут друзья из рук.
У него любой шармицель на один покрой.

Любо прусскому вельможе Пруссию громить.
И кому он только нужен, – что-то не секу.
Ох и мастер он, похоже, баснями кормить.
Дважды бомбами контужен прямиком в башку.

Истый мастер, право слово, нарываться зря,
он в войсках большая шишка и большой нахал.
Лишь взглянул на Пугачева, – и признал царя,
ну, а хитрый мужичишка шанса не прочтал.

Тот, кто гордо шаг чеканил, – слопал первый блин.
Ты оставь его в покое, не кори ничуть,
потому как все же занял генерал Берлин,

не любой бы мог такое дело проверить.

Славный тымф Елисаветы чтит берлинский люд.
Пропадают деньги в дымке в дальней стороне:
эти мелкие монеты пруссаки берут,
ибо русские ефимки там в большой цене.

...Генерал при всей отваге слыл за болтуна,
был за все свои затеи с должности смещен,
посидел чуток в тюрьге, получил сполна,
изгнан из страны в три шеи, но затем прощен.

Снова в бой спешит рубака, позабыв о том,
что злосчастье заразно, и в который раз
аксельбант вернул, однако в деле непростом
был оболган безобразно, сослан на Кавказ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.